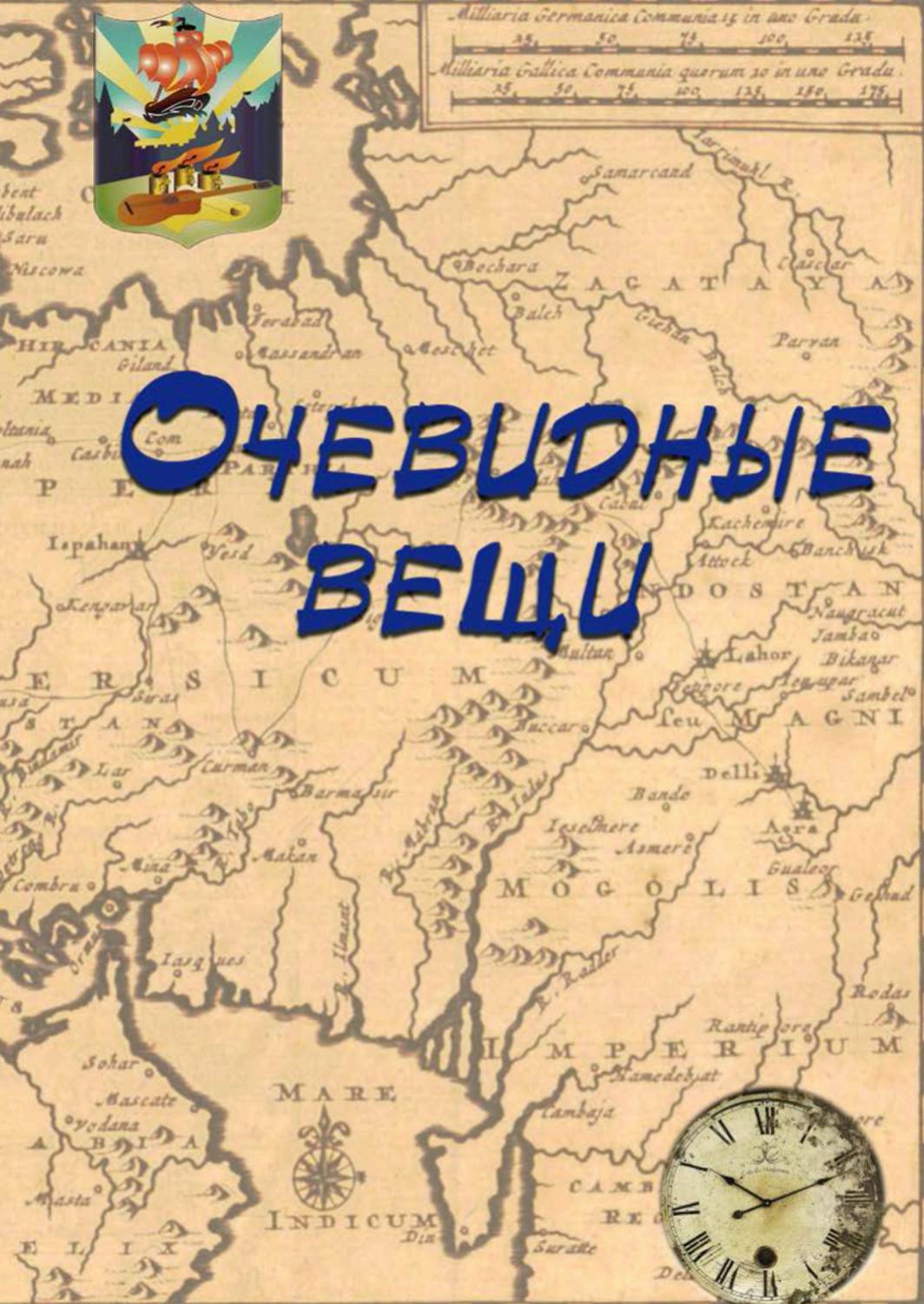

75 80 85 90 95 100 105

Milliaria Germanica Communia 15 in uno Gradu.				
25	50	75	100	125
Milliaria Gallica Communia quarum 30 in uno Gradu.				
25	50	75	100	125
150	175			

ОЧЕВУДНЫЕ ВЕЩИ

Сборник легенд
Детско-Юношеской Организации
«Остров Сокровищ»

ОЧЕВИДНЫЕ ВЕЩИ

ОЧЕВИДНЫЕ ВЕЩИ

Сборник легенд Детско-Юношеской Организации
«Остров Сокровищ» — Москва, 2016

Составитель: Скрипачёв Иван Георгий

Редакторы: Бордюгов Даниил, Бычкова Полина,
Бичёв Максим, Скрипачёв Иван Георгий

Сборник ориентирован на руководителей детских объединений, учителей литературы и школьников старших классов.

Сборник представляет интерес не только как исторически-летописный документ организации, но и как набор нравственных идеалов и примеров, воспитываемых в том числе в «Острове Сокровищ».

Тираж: 150 экз.

© ДЮО «Остров Сокровищ», 2016

Содержание

История одного человека.....	4
Легенда о флейтисте	7
История одного художника	10
Не игрушки.....	13
Мост через жизнь	18
Мышиная история.....	22
Прислушайтесь.....	25
Тёплая снежинка.....	27
А может быть не всё?	29
Тридцать ступенек	31
Время бежит	36
Легенда о Человеке.....	39
Маяк	43
Дом.....	47
Дейзи	50
Человек и волк	56
Зимняя дорога.....	59
Как горит бумага	64
След победы	68
Что такое доброта.....	71
Далёкие звёзды.....	75
Дорога к храму.....	79
Очевидные вещи.....	82
Новичок.....	84

История одного человека

Стоял апрель. Было раннее утро. Весеннее солнце хмурилось после бессонной ночи. В эту ночь, вообще, мало кто спал...

Он вышел из дома ни за чем, просто ему показалось, что так нужно. Когда он дошел до той поляны, солнце уже перестало хмуриться. Все смирились с тем, что произошло. Птицы по-прежнему летали, звери все так же бегали.

На поляне он быстро отыскал свой любимый пенёк. Обычно это было непросто – пенёк каждый раз находился на новом месте. Он сел и стал думать. Всегда резкий, властный, нетерпеливый, высокомерный, он редко думал, больше делал. Сегодня почему-то было по-другому...

Память услужливо подкинула один эпизод. Боже, как давно это было! И почему именно это он вспомнил? Он-то надеялся, что навсегда забыл...

Та же поляна. Только все в снегу, видно, стоит зима. И еще, почему-то очень, очень темно. Именно про такую темноту в глупых, как он считал, книгах пишут «хоть глаза выколи». Постепенно, глаза, стали привыкать к темноте. «Хорошо, что не выколол», — криво усмехнулся он. Странно, на душе было необъяснимо паршиво, как будто он должен сделать что-то неприятное, но несомненно нужное. В темноте угадывались знакомые очертания деревьев, кустов, его любимого пня. Непонятно, он же только что на нем сидел!? Он оттолкнулся от ближайшего дерева и поплыл, пересекая поляну. Пришло осознание того, что его ноги не касаются земли. Совершенно не чувствовался холод, все движения были странно плавными, он не мог сфокусировать взгляд. От снега поднимался какой-то зеленоватый туман. «Откуда туман зимой?», — только и успел подумать он и сразу же увидел ее. Со всем не по-зимнему одета: только юбка и белая рубашка, да и те — разорванные и все в крови. Она лежит на снегу, и ярко-рыжие волосы разбросаны как нимб. Он когда-то это уже видел — на древних картинах, кажется, иконах, на них всегда рисовали стариков и некрасивых женщин. Но эта была действительно красива.

Еще в ней было что-то, что сразу как-то выделяло ее. Он поймал себя на мысли, что именно она могла бы стать его женой.

Она повернула к нему голову. Он стоял, а, может, висел над ней, но странно крупно и во всех деталях видел ее лицо. Струйку крови, текущую из уголка рта, тонкий нос, но, главное — глаза. Он ненавидел женские глаза. Он считал их не зеркалом души, а органом зрения. Иногда, ему казалось, что он так один считает... Но таких глаз как у нее он никогда в жизни не видел. И даже не слышал. И не мог предполагать о существовании таких. Ярко зеленые, огромные. Они просто поливали его потоками боли, отчаяния, страха, но главное — желанья жить. Не эгоистичной боязни смерти, а желанья жить не для себя, а для других, желанья успеть сделать то, что предназначалось. И он понял, что для этого мира она гораздо важнее любого живущего.

Резкий свист разорвал тишину в клочья. Из-за кустов выскочил какой-то зверь и помчался прямо к ним. У него оставалось 5 секунд.

— Пять... Я не могу умереть ради кого-то, я не считаю это правильным, и ради кого — ради женщины?! Так поступают идиоты из древних романов, но не я. Я тоже хочу жить.

— Ради кого?

— Ради себя... Но у меня тоже есть много важного.

— Что?

— Но я тоже люблю!

— Кого?

— Себя... Но разве этого недостаточно?

— Четыре... Что я сделал за свою жизнь? Да, я перепробовал действительно все.

— Кому это нужно?

— Я действительно запомнился.

— Но как тебя будут вспоминать? Кому ты принес радость, счастье, удовольствие? Что ты сделал хорошего? Зачем все это?

Неужели, это — и есть совесть?

— Три... Я — Бог, я — кумир. я не могу вот взять и просто так... не могу даже сказать. Дурацкое слово — смерть. Когда-то очень

давно, один очень известный фашист сказал, что романтика — слово для идиотов. Я же не идиот.

Или все-таки да?

— Две... И, потом, — моя смерть должна быть не такой, она должна быть яркой, я же все продумал — например, прыгнуть с небоскреба на оживленную площадь, ну, или что-нибудь в этом духе. Да, это все так, но... Зачем это? Нужно думать, решать... быстрее

— Одна... Да что тут решать...

Стоял апрель. Было раннее утро. Весеннее солнце хмурилось после бессонной ночи. В эту ночь вообще мало кто спал...

На поляне лежал мертвый мужчина. Он был абсолютно седой, но на его губах навсегда осталась улыбка. Он сделал то, что должен был сделать уже давно. Солнце увидело всю картину и улыбнулось счастливой улыбкой. Когда есть такие люди, можно спокойно светить...

Юрий Князев, 2005

Легенда о флейтисте

Давным-давно в одном старом немецком городе жило очень много людей. В этом городе жили богатые горожане, поля возле него были самыми зелеными, и люди жили счастливо. Но скоро в стране начался голод. В других городах людям нечего было есть из-за нашествия крыс.

Жители города приняли решение закрыть ворота и стены, чтобы крысы не проникли в него и не съели все запасы. Амбары были полны зерна, и хлеба хватало бы, чтобы пережить нашествие.

Но вот в город стали приходить просьбы о помощи – жители соседних городов умоляли выслать обозы с хлебом. Но горожане приняли решение не делать этого, поскольку боялись, что через открытые ворота крысы попадут в город.

Однако крысы были настолько голодны, что они прогрызли стену в том единственном месте, где она была деревянной. Так крысы проникли к жителям.

Тогда начались беспорядки. За один только час крысы успели съесть половину запасов хлеба. Изголодавшиеся после голодных дней в других городах, крысы устроили себе настоящий пир.

Голодные, грязные зверьки быстро прогрызали дыры в амбарах. Жители начали паниковать – это грозило превратиться в настоящую катастрофу, поскольку крысы стали нападать на людей.

Но в городе жил один человек, которого не интересовали бытовые ценности остальных жителей: он бы предпочел отдать хлеб другим, но жители просто не послушали его. Его звали Ганс. Он жил один на чердаке и занимался тем, что изготавливал музыкальные инструменты.

Этот человек очень любил других людей, хотя это не всегда было взаимно. Он любил говорить с другими, понимать их проблемы, и у него было много хороших друзей. Музыкальные инструменты, которые он делал, всегда звучали хорошо, у них будто бы была душа.

Когда жители города решили запереть ворота, а крысы все равно проникли в город, то он удалился к себе, и никто не знал, что он собирается делать.

Тем временем крысы уже начали нападать на людей. Началась паника, некоторые пытались спасти остатки хлеба, некоторые – просто спрятаться. В городе рыдали женщины, младенцы кричали, мужчины находились в смятении, старики молились.

Тогда бургомистр понял, что город может спасти только чудо. И вот он отправился к музыканту, поскольку знал, что тот – единственный человек, который может призвать чудо.

Музыкант как будто предвидел, что сейчас произойдет. Он уже спустился со своего чердака и стоял на пороге дома, крутя в руках какую-то флейту. Бургомистр хотел было поздороваться, но Ганс остановил его:

– Я знаю, что сейчас произойдет. Я готов.

И он заиграл. Его песня лилась, как будто бы река – мелодия переливалась, изменялась и плавно переходила из одной темы в другую.

И тут случилось чудо. Крысы, бегущие в этот момент по улице, остановились. Встав на задние лапки, они принялись, восторженно... и остановились. Будто замороженные музыкой, они замерли на миг и медленно стали подходить к Гансу. Через несколько секунд вокруг Ганса образовалась большая группа крыс, через минуту его окружала уже толпа замороженных животных, а через четверть часа все грызуны, пришедшие в город, стояли на улице перед порогом Ганса.

И тогда он пошел. Он шел по городу и на середине дороги к реке на секунду оторвал флейту от губ.

– Найдите мне лодку! Я утоплю их! В этот миг крысы будто проснулись после дремы. Одна из них, самая жирная и с самым злым лицом, укусила Ганса за ногу.

Музыкант был готов взвыть от боли, но в последнюю секунду сдержался, со всей силой вцепился в магическую флейту и заиграл с такой силой, что на звуки чудесной мелодии обернулись не только крысы, но и собаки, и кошки. Одухотворенные песней, льющейся по ветру легким потоком, люди стали оборачиваться Гансу вслед. А он, позабыв об этих людях от тупой ноющей боли, играл и играл и шел вперед.

Дойдя до самого края, Ганс, не раздумывая, прыгнул в лодку и снова заиграл. А крысы продолжали послушно семенить за ним, пока все не повалили в холодную речную воду. Они не могли остановиться и все падали и падали, пока не осталось ни одной. Ганс тем временем уже отплыл далеко от города. Он сделал свое дело. Он помог, он выручил. А лодка все отдалялась и отдалялась.

Выбежали люди, счастливые оттого, что они свободны от смертоносного нашествия, они кричали: «Вернись, Ганс! Мы верим тебе, ты достоин лучшей жизни». Но музыкант лишь улыбнулся и взмахнул веслом. Ему не нужна была эта честь, слава. Ему достаточно было музыки, звучащей теперь из сердец горожан.

История одного художника

Стоял холодный промозглый октябрь. Дождь лил как из ведра, а ветер вихрями носился по городу. Еще оставшиеся на улице прохожие бежали, стараясь поскорее добраться до дома, где тепло и сухо, – кто с зонтиком, а кто так, заслоняясь от дождя руками.

На улице стоял художник. Люди пробежали мимо, не обращая на него никакого внимания – естественно, кому нужен был художник в такую-то погоду – а он все стоял и стоял. Он промок уже с головы до ног, но все надеялся, что кто-нибудь подойдет к нему и купит какую-нибудь из его картин, потому что иначе он уже и не знал, на что купит себе еду и чем заплатит за свою маленькую тесную комнатку на последнем этаже старого деревянного дома.

Вдруг один пожилой господин замедлил шаг, подошел к уже совсем было отчаявшемуся художнику и заговорил с ним. Он не стал спрашивать про картины, их цену и качество, а просто начал обычный разговор. Вскоре беседа увлекла обоих, так, что они и не заметили, как на улице стало уже совсем темно и почти совсем пусто. Тогда новый знакомый вдруг попросил художника нарисовать для него пейзаж той улицы, на которой они стояли. Художник с радостью согласился. Пожилой господин дал ему немного денег и ушел.

На следующий день он появился вновь. Он взял картину и, даже не посмотрев ее и ничего о ней не сказав, попросил еще раз написать тот же самый пейзаж. Художник был озадачен, но не подал виду и снова взялся за работу. Когда же на завтра он вручил картину своему странному заказчику, тот сказал, что ему нужна еще одна. Так продолжалось несколько недель. Пожилой господин приходил каждый вечер и просил все об одном и том же, а художник был так удивлен и одновременно рад неожиданной удаче, что никак не мог найти времени спросить, зачем же он каждый день рисует одну и ту же улицу, одних и тех же людей, те же дождь, слякоть и хмурые тучи.

Однажды вечером художник по обыкновению стоял на улице со своим мольбертом в ожидании странного господина, готовый отдать ему очередной пейзаж и получить заказ на следующий. Но его все не было и не было. Уже стемнело, и художник стал собираться, чтобы идти домой в свою бедную комнату. Из-за угла появилась богатая коляска и, поравнявшись с ним, остановилась. Из дверцы появился тот самый его загадочный знакомый, в безукоризненно-элегантном костюме-тройке и с тростью с посеребренным наконечником. Художник растерялся, по виду его таинственного заказчика никогда нельзя было предположить, что тот мог иметь столько денег. Спohватившись, он заторопился и стал неловко протягивать господину очередной пейзаж – но тот остановил его, и со словами «вам надо кое-что увидеть» взяв художника под локоть, усадил его в карету. Лошади тронулись, и картины за окном стали сменяться. Господин молчал, погружившись в какие-то свои мысли. Молчал и художник, смущенно сидя на обитом бархатом сиденье, сжимая свою новую картину в руках. Через некоторое время коляска выехала на ярко освещенную улицу и встала у парадного входа какого-то дома. Выйдя из коляски, художник узнал то место, куда они приехали. Это был грандиозный выставочный зал в самом центре города. Там выставляли свои творения только самые знаменитые художники страны. Все еще не понимая, с какой целью его привезли туда, художник поднялся по ступеням, вслед за пожилым господином вошел внутрь и замер, как вкопанный.

По стенам зала висели его пейзажи. Те самые, которые он рисовал изо дня в день. От первого до последнего. Одна и та же улица, люди, слякоть и дождь. Но сейчас художник ясно увидел, насколько они были на самом деле непохожи. Он понял, для чего пожилой господин каждый день заказывал у него одну и ту же картину. Каждая следующая работа была лучше предыдущей. Первая оказалась совсем плохой, смазанной, неумелой. Во второй появились правильные штрихи, третья была написана уже уверенной рукой, хотя цветовая гамма, как он видел теперь, была по-прежнему наивна и банальна. С каждой новой картиной все

четче оформлялся стиль, все точнее становился взгляд, все лучше ему удавалось найти нужные краски, чтобы получить живые цвета. Последние работы были уже настоящими произведениями искусства.

Художник переходил от картины к картине, только теперь осознавая, как многому он научился за это время. В зале было много людей – представители высшего света, ценители искусства, критики – и все они тоже смотрели на его картины и восхищались гениальностью замысла пожилого господина и тем, как удивительно раскрывался на их глазах талант нового живописца.

Дойдя до картины, которая была написана только вчера, художник увидел, что рядом с ней есть еще одно, пустующее место. Тогда он развернул бумагу на последней картине, которую до сих пор держал в руках, и бережно повесил ее на стену. Обернувшись, он стал искать глазами пожилого господина, чтобы получить его одобрение, но не увидел его. Художнику хотелось поскорее поговорить с ним, поделиться тем, как многое он сегодня понял, спросить, может ли он хоть как-то отблагодарить его за бесценный подарок, который тот ему преподнес. Он обошел всю галерею, но пожилого господина нигде не было. Услышав снаружи шум отъезжающего экипажа, он, предчувствуя неладное, как был, без плаща, выбежал на улицу, но слишком поздно: он лишь успел увидеть, как карета, увозящая человека, который сделал его господина скрылась за поворотом. Больше он его никогда не видел.

Многочисленные исследователи, занимавшиеся впоследствии творчеством этого художника, писали, что картины этой первой серии являются самыми мрачными из всех его произведений. Во всех работах, написанных им после той памятной выставки, утренний свет, легкость и тепло вытеснили дождь и грязь. Тот странный пожилой господин помог художнику понять, что он обладает талантом, которого до этого не видели ни другие люди, ни сам художник. И он на всю жизнь научил его видеть прекрасное даже в том, что всегда кажется серым и обыденным.

Полина Кушнир, Дарья Донина, Алексей Весёлый, 2007

Не игрушки

Каждый день они захватывали новые страны. В каждой новой стране их ждало что-то новое. У них был один самый сильный, самый уверенный, самый старший. Бесспорный лидер! Он всегда решал, кем они сегодня будут – ковбоями или космонавтами, куда пойдут, во что будут играть. На самом деле, это была самая обыкновенная старая детская площадка во дворе обычного девятиэтажного дома. Их было шестеро. И все слушались одного.

В тот день они были ковбоями. Они захватывали этот Дикий Запад, бегая вокруг горки. Раскручивали до головокружения карусель, били палками по качелям и стреляли из духовых ружей.

Наконец, Дикий Запад был захвачен.

– Что теперь делать, господин шериф?

– Не знаю. Мне скучно. Каждый день одно и то же, придумайте уже что-нибудь! Все я за вас делать должен?!

Было около четырех часов дня, многие дети уже шли домой: кто из школы, кто с кружков, и Лидер быстро нашел новое занятие:

– Мы будем захватывать местное население! Вон, один индеец идет.

Действительно, по бетонной дорожке через двор шел мальчик. Этот мальчик переехал в их дом совсем недавно, и они не успели еще с ним как следует познакомиться. У мальчика в руках был большой черный футляр; наверное, в нем лежала гитара. Он не сразу заметил их, а когда заметил, было уже поздно. Все шестеро ринулись к нему с воплями, повалили его на землю, и им было абсолютно все равно, что мальчик больно ободрал коленки об асфальт, что рубашка на нем покрылась пятнами грязи, футляр полетел в клумбу, а очки слетели с носа и чудом не разбились. Они оттащили его в ту самую песочницу, где они всегда допрашивали местное население. Иногда это были марсиане, иногда – испанские моряки. Индеец не молчал и не плакал. В его глазах совсем не было того страха, который обычно читался в глазах всех жертв этой банды. Они светились каким-то странным, непо-

нятным светом, и остальным показалось, что он ненормальный. Они отшатнулись от него, но Лидер сказал:

– Эй, ну чего вы? Привязывайте его к столбу!

– Ты уверен? – спросил один из ковбоев.

– А чего тут думать? Давай, привязывай! Мы должны его казнить!

И тут одна из девочек сказала:

– А за что мы должны его казнить?

Лидер оторопел:

– Что значит, за что? Он индеец!

– Неужели мы действительно что-то ему сделаем? Ведь мы же его даже не знаем!

– Мы его не знаем, потому что он не с нами! А кто не с нами – тот против нас!

– И это все? Только за это?

– А тебе мало?

И тут вступилась еще одна, самая младшая в компании девочка:

– Он же недавно сюда переехал! Я сама видела, как вещи занесли, он в одном со мной подъезде. Мы же даже не попробовали познакомиться с ним. Ты знаешь, как его зовут?

– А не все ли равно? Зачем начинать с ним общаться, рассказывать что-то ему про нас? Я уверен, он окажется стукачом и нам несдобровать!

До этого момента девочки все еще держали мальчика за рубашку, но после этих слов они разжали руки и отпустили его. Та, что поменьше, сказала:

– Бери свою бренчалку и уходи отсюда. Немедленно.

Вторая пододвинула к нему ногой что-то, похожее на футляр с гитарой.

Мальчик, ничего не сказав, посмотрел на этих девочек. Глаза его все еще искрились. Девчонки не выдержали и отвели взгляд, и тут их посетило какое-то странное новое чувство: нечто между чувством вины и ощущением того, что все сделано правильно. Мальчик забрал свои вещи и ушел в подъезд. Он уходил прямо и уверенно, все так же невозмутимо молча.

Через некоторое время к Лидеру вернулся дар речи:

– Вы тоже не с нами, да? Вы с ним? А он для вас что сделал? Кто он вам? Вы о нем хоть что-нибудь знаете?

– Нет, но мы поступили хорошо.

– По крайней мере, мы так думаем.

– Ах, значит, мы так думаем, да? Окей, завтра вы не будете с нами играть!

Девочки сначала испугались. Как же они без своей компании? Они все встречались каждый день, и трудно было даже представить себе, что может стать по-другому. Но потом, переглянувшись, не сказав ему ни слова, развернулись и ушли.

Они отправились в соседний сквер по зеленой аллее. Они шли и молчали. Каждая думала о том, что же произошло с ней сегодня. Это походило на атомный взрыв чувств, эмоций, привычных понятий. Все очень резко изменилось. Внутри становилось то жутко холодно, то невообразимо жарко от разгоравшегося костра волнений и сомнений. Подруги почувствовали себя чем-то или кем-то другим, но никак не теми самыми девчонками, которые всего несколько часов назад колотили палками по качелям.

На следующий день ни одна из девочек не поинтересовалась планами банды на ближайший вечер. Потребность в Лидере внезапно исчезла. После школы девочки сидели на лавке у подъезда и просто разговаривали, когда к ним подошел тот самый мальчик. Индеец.

– Благодарю, – сказал он. – Я даже не сомневался, что вы поступите именно так, да-да, совсем не сомневался. Благодарю от всего сердца! Очень важно научиться различать игру и жизнь. Очень важно вовремя остановиться.

– Да ладно, – сказала та, что постарше. – Мы же не звери.

– По крайней мере, мы так думаем.

– Это хорошо, что вы так думаете. И что вы можете думать сами. Но я пришел к вам не только с благодарностью. Я хочу вам кое-что показать. Пойдемте со мной.

Девочки переглянулись и посмотрели ему в глаза. Но теперь они могли выдержать этот свет его глаз. Он вдруг неожиданно

стал теплым и приятным. Они, не раздумывая, встали и пошли за ним.

Он привел их в, казалось бы, обыкновенную школу. Видимо, он в ней учился. Он повел их за собой, на третий этаж. По стенам и вдоль лестниц висели очень красивые картины. Это были детские рисунки, хотя вначале казалось, что они были нарисованы чьей-то профессиональной и умелой рукой. Девочкам рисунки очень понравились. Они и сами очень любили рисовать, но делали это редко. Все свое свободное время они проводили на детской площадке, во дворе. Так хотел Лидер. Он не понимал, какой интерес в том, чтобы проводить время дома, наедине с красками и бумагой.

На третьем этаже, в самой глубине коридора виднелась открытая дверь. Мальчик направился туда. Девочки пошли за ним.

Когда они вошли, они увидели залитый солнцем кабинет. Свет сначала почти ослепил их, но глаза быстро привыкли, и они увидели множество самых разных музыкальных инструментов.

Девочка постарше всегда мечтала научиться играть на гитаре, а та, что помладше – на флейте.

Они стояли, раскрыв рты от восхищения. У них глаза разбежались от такого разнообразия музыкальных инструментов. Некоторые они видели впервые и даже не представляли, как на них можно играть.

Они стояли так, кажется, целую вечность. А потом они перевели взгляд на мальчика и заметили, что тот наблюдает за ними с улыбкой.

– Нравится? – спросил он.

– Конечно! – хором ответили девочки.

– Я подумал, что вам это будет интересно. Вам интересно?

– Еще бы! – сказала девочка помладше.

– Да! – сказала та, что постарше.

– Вы можете приходить в любое время и играть. Если не умеете, вас научат. Здесь много людей, которые сами многое знают и умеют и хотят научить других. У нас скоро будет концерт, и мне бы хотелось, чтобы вы тоже в нем участвовали. Мне кажется, вам это должно понравиться. Научившись играть, вы сможете сочинять

свою музыку, какую душе угодно. Вы сами сможете выступать на сцене со своими номерами. А если все же вам не понравится, и вы не захотите учиться, то я не обижусь, вы всегда сможете начать все заново. Не торопитесь с выбором. Просто приходите. А сейчас, наверное, пора домой. Пойдем.

Домой они шли все вместе. Молча. Не потому, что они стеснялись, а потому, что каждый думал о своем и не хотел нарушать ход мыслей другого словами. Они дошли до площадки. Их увидел Лидер. Он начал показывать на них пальцем и кричать:

– Вы еще вернетесь! Приползете ко мне на коленях! А когда вернетесь, всю жизнь индейцами будете!

А девочки вдруг почувствовали жалость к нему и ко все банде. Лидер продолжал что-то говорить всей банде, но на девочек не смотрел. Не мог. Потому что глаза этих девочек светились каким-то странным светом. Они дошли до подъезда.

– До завтра, – сказал мальчик. – Я все-таки буду вас ждать.

– До завтра, – сказали девочки.

Дарья Башкирова, Ася Ищенко, 2008

Мост через жизнь

Красивый и грациозный, без всякого изъяна, без вычурной помпезности, этот мост являлся единственной связкой между двумя берегами широкой реки, делившей один небольшой городок на две части. Мост был гордостью жителей города.

Когда-то давно на месте реки была узенькая речка, через которую мальчишки, разбежавшись, могли перепрыгивать по дороге домой из школы. Но сильное землетрясение случилось в тех краях, и, повинувшись непостижимой силе, один берег далеко и навсегда отодвинулся от другого; разлом тут же наполнился водой до краев, и река стала больше похожа на море. Те, кто в тот день был на работе по одну сторону, не смогли вернуться домой на другую, многие дети оказались отделены от родителей, многие влюбленные оказались разлучены. Так бывает, и не только в сказках. Пересекать бурный поток на хрупких лодках и вплавь было опасно, а те смельчаки, что пытались это сделать, тонули, так и не достигнув другого берега. Долго люди не могли оправиться от случившейся беды, но что делать – надо было жить дальше. Поселились в новых домах, детям нашли приемные семьи. А бывшие влюбленные – влюбились в кого-то еще, по свою сторону реки.

Прошло два десятка лет. За это время многие рассуждали о том, что через реку надо бы построить мост, но дальше разговоров дело не заходило. Никто не был готов тратить столько денег, времени и сил на работу: у всех вечно находились отговорки и причины не начинать строительство. В конце концов, жили же как-то без моста – и дальше проживем!

Но нашелся человек, который не ограничился одними словами. Этого юношу звали Анри. От отца ему досталось значительное наследство, которое он мог потратить, как хотел. Он мог бы совершить кругосветное путешествие или купить себе красивый дом с колоннами и прекрасным садом. Или положить эти деньги в банк, чтобы обеспечить себе безбедную старость, ведь это то, чего людям тоже очень хочется. Но он видел, что нужно было соединить два берега именно сейчас, потому что скоро люди по обе

стороны навсегда забыли бы, что некогда жили в одном городе. И он понимал, что в его силах сделать это. Анри решил, что он построит мост. Он не был ни инженером, ни каменщиком, но готов был всему научиться.

Несколько лет ушло у него на строительство моста. Анри работал совсем один и потратил на камень и инструменты все до последней монеты. В городе его стали считать сумасшедшим, никто не верил в то, что один человек сможет сделать так многое. Наверное, поэтому никто и не замечал, как постепенно росла конструкция на берегу. И в один прекрасный день жители просто не поверили своим глазам, увидев, что от одного берега до другого, над бушующими волнами, открыта дорога, по которой они могли попасть в давно отрезанную от них часть города.

Для каждого противоположный берег был берегом юности, берегом счастливых воспоминаний. Полные страхов и надежд, люди с обеих сторон толпами потянулись по мосту. Начались встречи, слезы, удивленные возгласы – все заново узнавали свой родной город. Целыми днями на улицах слышался смех, по утрам люди шли на работу в небывало добром расположении духа и засыпали, как дети, с улыбкой на лице. Даже воры и мошенники на радостях решили бросить свое старое ремесло, и со дня открытия моста в городе не совершалось больше ни одного преступления.

Анри сразу же признали заслуженным архитектором, его именем назвали одну из центральных улиц и даже предложили стать почетным гражданином города. Но главными для него были не почести и награды, а то, что он видел, что сделал доброе дело.

Через много лет уже немолодой Анри по-прежнему с радостью следил за тем, как его творение, сделанное из камня, служило людям. Он построил его, вложив в него свою душу и любовь, радость и смех, счастье и надежду, и теперь этот мост был для Анри всем.

Иногда ему даже снилось, будто он сам – мост, огромный и неподвижный. Под ним ветер гоняет холодные волны, а по нему идут такие славные люди, доверившись ему и даже не глядя вниз. А он, напротив, не может отвести глаз от реки, в которой не видно

дна, словно это не река, а сквозная щель, и словно если упасть в нее, то провалишься через всю Землю насквозь и будешь дальше падать и падать без конца. Ему становилось страшно, что он не выдержит, обрушится в эту бездну, а вместе с ним канут и маленькие беззащитные люди. Он просыпался в испуге, спешно подходил к окну, и лишь когда он видел, что его мост по-прежнему стоит на своем месте, прочный и величавый, у него отлегалось от сердца.

Днем Анри любил сидеть на лавочке и смотреть на тех, кто ходил по мосту. Он видел детей, делающих смешные маленькие шажки, рабочих, неспешно прогуливающих со своими наряженными женами; веселую шпану, клерков, спешивших в миниатюрные конторки по обе стороны реки. Особенно он всегда радовался, видя двух ребят лет девяти – мальчика и девочку. Они часто прятались в небольшой нише у основания моста – скрываясь не то от нотаций родителей, не то от неприятностей в школе, а может быть просто чтобы побыть вдвоем. Это был их тайник. Как-то раз Анри спустился туда и нашел оставленную записку. На ней корявыми буквами было написано «Сегодня прийти не могу, в школе схватила двойку. Как ты думаешь, мы будем с тобой вечно? Жилю от Жюли». Ниже был ответ «Даю слово верного рыцаря! Жюли от Жилия».

Проходили годы, дети выросли, жизнь текла своим чередом. Анри помнили еще очень долго. Но в город пришло новое горе. Началась война. Взрыв за взрывом раздавался в городе, и прекрасные парки и дома теряли свой прежний облик. Выстрел за выстрелом жизнь покидала ни в чем неповинных людей. Город наполнился болью и слезами. Мир, спокойствие и порядок сменились ужасом, паникой и хаосом.

Мост был связующей нитью между смертью и жизнью. По нему люди в спешке покидали город, спасаясь от приближающегося врага. Мост ощущал на себе грубость солдатских сапог и тяжесть танковых гусениц. Река в тот год бушевала особенно сильно.

Жиль проводил родных на тот берег, а сам остался защищать город. На прощанье спустившись к мосту, к их детскому тайному

убежищу, он увидел свою возлюбленную: она ждала его там, как и много лет назад.

– Вот мы и снова в нашей пещерке – наверное, в последний раз, – сказала Жюли и, помолчав улыбнулась сквозь слезы. – Как ты думаешь, мы будем с тобой вечно?

– Даю слово верного рыцаря!

Неожиданно сигнал воздушной тревоги оглушил улицы города. Один снаряд упал и взорвался рядом с мостом. Они бросились в противоположную сторону, но тут страшный грохот раздался прямо над их головами. Ощущение смерти было совсем близко. Они закрыли глаза и прижались друг к другу. «Даю слово верного рыцаря», – прошептал он.

Они простояли так несколько секунд, но мост не обрушился. Каменные своды выдержали взрыв.

Влюбленные спаслись. Полуразрушенный мост до сих пор стоит в городе, как память об Анри и о том, что его доброе дело спасло многие жизни.

Он сделал для других то, что было им действительно нужно. Он не побоялся взять на себя большую ответственность и довел начатое до конца. Он не отступил перед трудностями, и в итоге дело его рук сыграло важную роль в судьбах многих людей.

*Артемий Боронин, Анастасия Апухтина,
Дарья Донина, Наталья Левшина, 2008*

Мышиная история

Этот вечер выдался необычайно жарким. Весь день в городе было очень душно, воздух пропитался напряжением, и мир вокруг находился в ожидании взрыва миллиона прохладных капель дождя. На набережной было совершенно пусто, да и кому бы пришлось в голову гулять в столь неподходящее время? Было так тихо, что можно было услышать, как шуршит крыльями осенняя муха.

И тут тишину нарушил раскат грома. Небо расколола яркая молния, осветившая все вокруг. На несчастную землю, уставшую от жары, наконец-то обрушилась стена воды. Дождь забарабанил по карнизам и крышам домов, улицы моментально покрылись лужами. На воде то и дело появлялись и исчезали пузыри.

– Значит, дождь теплый. – подумал маленький домовенок.

В этот вечер он, как обычно, сидел на подоконнике и смотрел из окна на большой старый город. Он знал в нем каждую улицу, каждый дом, каждое дерево.

Вдруг из того дальнего угла комнаты, где раньше стоял холодильник, послышался странный звук. Из темноты показался чей-то нос с длинными усами.

Не то чтобы домовенок испугался. Нет, скорее просто из осторожности он спрятался за пологом занавески и стал наблюдать за дальним углом комнаты. Вслед за усатым носом появились два больших уха, старый потертый чемодан цвета апельсиновой корки и длинный хвост. На середину комнаты выползла серая мышь в плаще и шляпе.

– Эй, что вы тут делаете?

– Я здесь живу. Вернее, теперь буду жить здесь.

Почему-то это заявление гостя не возмутило домовенка. Наоборот, он спрыгнул с подоконника, взял у мыши чемодан и предложил ей погреться у камина и выпить горячего чая. Путь старой Марты был нелегок, поэтому отказаться от такого заманчивого предложения она не решилась. Мышь со вздохом опустилась в кресло. Усевшись поудобнее, она уже было потянулась за чашкой чая, как вдруг услышала странный хруст.

– Нет, подожди, не сюда! – воскликнул домовенок и вытащил из-под нее большой

фотоальбом, который теперь выглядел, как куча помятых осенних листьев. – Этот фотоальбом может рассказать всю мою жизнь, хотя теперь, я думаю, это не имеет ни для кого никакого значения.

Тогда Марта попросила показать ей фотографии. Домовенок открыл первую страницу и одновременно с этим начал свой рассказ. Он рассказал о том времени, когда у него еще было много друзей, когда он от чистого сердца помогал тем, кто нуждался в помощи. С фотографий на них смотрели только счастливые улыбающиеся лица.

– Но все это не важно, потому что окружающие перестали придавать значение моим поступкам и стали ожидать от меня чего-то большего. Я понимал, что не могу сделать того, о чем меня просят, а то, что я делал раньше, уже никому не нужно. И тогда я перестал вообще что-либо делать.

Домовенок поднял печальные глаза на Марту, и та сочувственно покачала головой.

С этого дня вечерние часы домовенка стали проходить по-другому. Они с Мартой сидели у камина, пили чай, разговаривали о разном и все больше узнавали друг о друге.

Однажды домовенок мирно сидел в кресле и читал книгу. Вдруг громкий пронзительный писк нарушил спокойствие этого дня. Домовенок тут же побежал на голос.

В дальнем углу комнаты, где раньше стоял холодильник, он увидел Марту.

– Мне прищемило хвост в мышеловке! Пожалуйста, вытащи меня отсюда! Ай! – пропищала она.

Домовенок сразу же, не раздумывая, бросился на помощь. Он попытался высвободить мышиный хвост из-под зажима, однако сил маленького домовенка оказалось недостаточно.

Оглядевшись вокруг, домовенок увидел палку. Он схватил палку и ею как рычагом раскрыл замок мышеловки. Серый хвост наконец оказался на свободе.

Впервые за долгое время домовенок кому-то помог. Знакомое чувство овладело им. Он вспомнил, как это приятно – помогать, а особенно – близким друзьям. В этот момент в душе у него все словно встало на свои места. Через пару дней, в то время, когда как раз пора было садиться пить чай у камина, домовенок увидел Марту с чемоданом цвета апельсиновой корки. Она шла к тому самому углу комнаты, в котором раньше стоял холодильник.

– Ты куда-то уходишь? А я уже заварил тебе чаю – как ты любишь...

– Да, я не привыкла задерживаться долго на одном месте. Настало время прощаться.

– Спасибо, Марта! Благодаря тебе я вспомнил, как приятно помогать всем вокруг. Я так давно ничего ни для кого не делал, что уже и забыл, как это здорово. Я правда очень тебе благодарен. Я не забуду тебя и того, что ты для меня сделала. Прощай.

И Марта исчезла так же таинственно, как и появилась.

В полной тишине было слышно только потрескивание огня в камине. Домовенок сидел и смотрел на большой старый город за окном. Он думал о том, куда теперь отправится Марта. Рядом с ним на столе стояла ее кружка, в которой медленно остывал так и не выпитый чай, но на лице домовенка снова появилась улыбка.

Ася Ищенко, Анастасия Савченко, 2009

Прислушайтесь...

Время. Годы. Месяцы. Недели. Дни. День состоит из многих отрезков, и каждый из них абсолютно уникален. День живет своей жизнью, а время сходит с него, превращая настоящее в прошлое, оставляя воспоминания. День никогда не останавливается, он боится, что если он перестанет меняться, люди тоже остановятся, перестанут стремиться к своим целям. Каждый отрезок дня по-своему меняет настроение людей, вдохновляет на работу, дает надежду, помогает идти дальше. Кусочки дня, каждый в свое время, передают друг другу их общее дело. Каждому времени присуще свое настроение, свое ощущение. У каждого человека есть свое время суток...

Рассвет. Самое красивое, что есть в дне, но его немногие замечают. Именно он каждый раз начинает день, делает первый шаг. Первым быть тяжело, но для рассвета это естественно. Он никогда не будет жаловаться и требовать что-то за то, что он делает. Ему не нужно признание, не нужно, чтобы все признавали его красоту и то, что он делает для других. Он ведь делает это просто так, потому что никак не может по-другому. А с теми, кто все-таки встречает его сонным взглядом и говорит ему «доброе утро», он делится своей уверенностью и счастливым спокойствием...

Полдень. Пик энергии. В полдень не остается и тени. Тени сомнения в том, что все сложится именно так, как хотелось. В полдень свет проникает везде, всюду внося ясность, согревая всех вокруг. Солнце высоко, оно светит из всех сил, и к нему тянутся, равняются на него, чувствуя его поддержку. Становится легче жить, легче двигаться дальше, ведь солнце поделилось своей энергией, яркими положительными эмоциями, одарило своей улыбкой все вокруг, и сделало это абсолютно искренне и бескорыстно...

Сумерки. Становится тихо. Прозрачный голубоватый воздух заставляет по-другому посмотреть на привычные вещи и увидеть их истинную суть. В сумерки меняется мировосприятие, обостряются ощущения. Человек остается наедине с собой, становится

искренним, настоящим, цельным. Время, когда каждый осознает свои ошибки и исправляет их, время, когда рядом остаются только настоящие друзья...

Вечер. Он согревает уютом и рассказывает сказки. Зажигает фонари и окна, преображая город в сверкающую манящую мозаику. Люди торопятся домой, где их ждут. От вечера веет приятным весельем, потому что все наконец-то вместе. Он может успокоить и подбодрить. Он помогает забыть все трудности дня и сохранить от него только хорошее. Вечером у всех людей есть что-то общее: желание оказаться дома, мысли, темы для разговоров. Вечер собирает всех вместе, под одной крышей. Он объединяет...

Ночь. Ночь всегда идет одна, но она никогда не отталкивает от себя того, кто хочет к ней присоединиться. Ночь с любым находит общий язык, легко находит точки соприкосновения. Ночь укрывает спящих тишиной и осторожно бережет их сон, но и не забывает о тех, кому не до сна. Ночью на небо выходят звезды, и самая яркая из них — Полярная звезда, звезда-ориентир. С давних времен путники определяли по ней, где они находятся и куда идут. Компасы могли разбиться, карты — порваться, но звезда никогда не бросала их. Даже в самом лютом хаосе она всегда сохраняла их разум и оставалась ориентиром.

Дарья Башкирова, Андрей Кипятков, 2009

Тёплая снежинка

Была зима. В городе было много людей, все куда-то опаздывали. Город жил своей жизнью, задумываясь только о том, на что приходится обращать внимание. И лишь один мальчик, проснувшись утром, никуда не торопился, ведь у него были каникулы. Он сидел на кровати и смотрел в окно. Занятий у него больше не было, мама ушла на работу, денег было немного, и все книги были уже давно перечитаны. За окном шел снег, вернее, снег, смешанный с дождем и градом. То ли тяжелый, то ли легкий. Мальчик сидел и смотрел внимательно. Он наблюдал.

Путь снежинки был долгим. Так сложно лететь, не зная куда, и понимать, что ты ничего не можешь сделать. Понимать, что больше никогда не будет прежней жизни. А я ведь так мало успела. А так много хотелось. Но нет, нельзя терять веры в жизнь, всегда должна оставаться надежда. Вдруг я успею сделать что-нибудь хорошее? До конца всё меньше и меньше, но что такое конец? Что-то неопознанное и незаметно наступающее. Была лишь одна мысль в голове: «успеть». Успеть подарить радость, успеть научить кого-то, успеть помочь кому-то. Эта мысль не выходила у нее из головы.

Так проходило утро, далеко не первое в его жизни. Наблюдая за снежинками и капельками, он не раз задумывался о том, что хочет стать одним из них. Он думал, нет, он был уверен, что они свободные, что они могут полететь куда захотят, могут двигаться в том направлении, в котором им нравится. Мальчик многого не понимал, он не знал всего того, что происходит на самом деле. Он был наивным, он думал, что всё, что он видит на поверхности, и является сущностью, является внутренностью души.

Время шло, а конец еще не наступил. А может, всё обойдется? Снежинка не переставала думать и всё ждала того момента. Ждала, пока что-то случится. Даже не обязательно хорошее, просто в какой-то миг что-то произойдет. Она ждала этого, а ждать — это одна из самых сложных вещей, это состояние, которое сложно

описать словами. Но она верила. Верила, как никогда раньше, сильно и каждую секунду. Вдруг она услышала шум города.

Мальчишка не переставал смотреть в окно. Он стал всматриваться в людей, идущих по своим делам. Кто-то спешил, кто-то, наоборот, прогуливался, машины ездили туда-сюда, но тут его взгляд остановился на снежинке, которая медленно плыла вниз по окну, и он начал задумываться. А почему? Она ведь до этого летела, а сейчас ее небольшая жизнь закончится? Нет, этого не может быть. Он захотел открыть окно, но было уже поздно.

Снежинка поняла, что осталось совсем немного. Шум города как раз и был звуком конца. Он был особенным, и его было легко отличить от всех других звуков. Она знала этот звук. Оставалось всего несколько секунд, а она не переставала верить. Она верила в то, что перед тем, как наступит этот самый конец, обязательно случится что-то. Только вот что?

Мальчик открыл окно, но снежинка уже растаяла. Несмотря на то, что за окном была зима и стоял мороз, ему не было холодно. Он почувствовал всё то тепло, которое было в душе у снежинки. Он понял, что она прожила совсем короткую жизнь и очень многого не успела сделать. Но снежинка мечтала подарить кому-то свою доброту и тепло, и мальчишка помог ей осуществить эту мечту. И в этот момент он почувствовал себя самым счастливым на свете.

Александра Чечулина, 2010

А может быть не всё?

Океан – это бесконечные синие просторы, уходящие далеко за горизонт, в неизвестные дали. У каждого океана случаются свои приливы и отливы. Шумная волна набегаёт на берег, стремясь захватить как можно больше пространства, заливая песок, камни, ракушки. А потом, напротив, уходит, оставляя на берегу водоросли, моллюсков и других неторопливых морских обитателей, не удержавшихся на дне океана. После каждого отлива на берегу оставались сотни морских звезд. Они беспомощно двигали щупальцами, пытаясь вернуться в океан, но силы их оставляли и они медленно умирали.

Мне нравится гулять по берегу моря во время отлива. Смотреть на океан, дышать свежим морским воздухом. Однажды я встретил маленькую девочку, гулявшую на берегу, – на вид ей было лет двенадцать. Она шла по берегу и собирала умирающие морские звезды, а после отпускала их обратно в море. Я с интересом наблюдал за ней, а потом подошел и заговорил.

– Зачем ты делаешь это? – спросил я ее.

Она посмотрела на меня, ничего не ответила и продолжила свое занятие. Так состоялось наше первое знакомство.

На следующий вечер я опять гулял по берегу и снова встретил ее. «Смешная, – подумал я, – нельзя воспрепятствовать законам природы. Очередной прилив снова вынесет все эти звезды на берег». Вслух же я мягко сказал:

– Ты все равно не спасешь их все.

– Ну и что, – ответила она. Пожала плечами.

Все то время, которое я оставался на том курорте, каждый вечер я видел издали, как она собирала морские звезды. Мне было жаль ее, потому что с таким упорством она занималась совершенно бессмысленным делом. В конце отдыха я решил еще раз попытаться убедить ее. Я пришел на пляж и стал искать девочку глазами, но ее не было видно. «И хорошо. Наверное, одумалась», – подумал я, и почему-то ощутил легкое разочарование. Однако

пройдясь немного вдоль берега, у скалистого утеса я увидел ее. Тогда я обратился к ней:

– Ты могла бы сейчас гулять с друзьями, купаться в море, но вместо этого ты собираешь морские звезды. Зачем? Завтра их все равно принесет обратно. Они все равно все погибнут!

Опять пожала плечами, улыбнулась и ответила:

– А может быть не все?

– Что не все? – не понял я.

– Может быть, не все погибнут? Ведь кто-нибудь обязательно выживет!

Следующий вечер был последним перед моим отъездом. И каждый, кто решил бы полюбоваться закатом у моря, мог бы увидеть сотни морских звезд, лежавших на берегу, девочку, которая шла вдоль кромки воды, и странного человека, который шел за девочкой, собирал звезды и отпускал их в море. Этим человеком был я. И если бы меня спросили: «Зачем ты это делаешь? Ведь завтра их вынесет на берег обратно, и они все погибнут!», – я бы пожал плечами и спросил в ответ: «А может быть, не всех?».

Казалось бы, что может сделать эта девочка? Следующий отлив снова оставит эти звезды на берегу! Она не может изменить законов природы. Но, может быть, сможет изменить что-то в нас? В тот вечер мне было хорошо и спокойно, потому что я знал, что, может, и не все, но хотя бы одна звезда останется в океане.

2010

Тридцать ступенек

В моем доме пять этажей. Я живу на четвертом и каждый день, поднимаясь по лестнице, вижу двери почти всех квартир. Но, как ни смешно, ни разу в жизни не был на пятом этаже. И это вовсе не острый и неожиданный поворот сюжета, этакая вымышленная завязка — нет, что вы. Моя квартира именно там, где я сказал, но вот на пятый я никогда не поднимался. А всё потому, что незачем. И правда, а что я там забыл? Что мне там делать, ну вот что? Ступенек-то совсем ничего, где-то 25-30. Но поверьте мне на слово, это самые тяжелые ступени, потому что именно на них ты ступаешь самим собой — без выгоды, без того, что для себя.

Я редко вижу своих соседей. Создается ощущение подчас, что наш жилой на первый взгляд дом зимой вымирает. В поиске тепла в своих четырех стенах люди прячутся за металлическими дверями квартир. Дом выглядит до того серо и блекло, что как бы тонет во мгле ночи среди множества других таких же ничем не привлекательных хрущевок. Лестницы пусты и безжизненны, и мало кто отважится приоткрыть свою дверь, впустить в квартиру холодный воздух с площадки. Так и живем, сами по себе. Сами для себя. Звери в панельной клетке.

Глупо было бы думать, что я исключение из правил. Нет, что вы. Зайдя в подъезд, бегу, спешу к себе, нигде не задерживаясь, замерзшими руками поворачиваю ключ и прячусь от лестничной площадки по ту сторону двери. И никогда не задержусь — а для чего?

Вот и сегодня бегу, пролет за пролетом. И вот уже у квартиры, и ключ в замке, как обычно. Но не захожу. А потому что мне, взрослому и занятому человеку, стало страшно интересно, что за тридцатью ступенями, которые я никогда не пройду. Низачем. Но дальше не иду. Никуда. Я словно замер в жизни, среди лестниц и ступенек.

Только какой-то ровный стук... Оттуда, с пятого, куда меня так тянет. И, как награда за мою любознательность, моим глазам предстает человек. Он спускается оттуда, с пятого, и если бы вы

знали, как для него тяжелы эти ступеньки. Колоритный человек, таких в нашем мире мегаполисов уже и не встретишь. Старичок. Длинные седые волосы, шапка набекрень, старая такая, советская, вязаная, спортивная куртка и резиновые сапоги по колено. А за собой тележку катит, и ее колеса стучат по ступеням, задавая ритм его тяжелому шагу. И вроде мы даже знакомы, и зовут его не то Алексей Петрович, не то Петр Алексеевич, смешной такой, комичный, этакий блаженный. И стук его тележки возвращает меня из моих мыслей сюда, в реальность. Поздоровуюсь, как всегда, а он потащит свою тележку дальше вниз. И как будто и не было. Все в доме знают, что живет он бедно — еле концы с концами сводит и бутылку сдает. А больше никто ничего и не знает. Да и не нужно. Зачем?

Всё никак не зайду домой. Вот удивительный вопрос — зачем? Ведь ничего же не сделаем просто так, во всём ищем смысл, логику, выгоду. Даже эти проклятые тридцать ступенек пройти не могу. Смысла, видите ли, не вижу. А вот старик ходит, думаю, ходит — и ничего. Но тут же оправдываюсь: он ведь там живет, как не ходить. Жил бы себе на четвертом и тоже бы никуда просто так не ходил — смысла бы не видел, и всё тут. Выходит, что и старик этот, несмотря на всю свою блаженность, такой же, как и все жители дома — зверь в панельной клетке. Только старый и странный. Все-таки лишь у маленьких детей есть желание сделать что-то просто так, без выгоды и логики.

Так и стою, рассуждаю, даже не замечая, как этот Алексей Петрович или Петр Алексеевич вернулся и поднимается наверх. И не до него мне теперь — случайно бросил взгляд на тележку его. А в тележке мешок, большой такой и на вид тяжелый. Сам старик еле тянет ее, ступенька за ступенькой — тяжело дается. И вот думаю: а есть теперь цель — есть логика. Помогу поднять тележку, а заодно и посмотрю пятый этаж — ведь хотелось же.

- Вам помочь?
- Ты это мне, милоч?
- Вам-вам, давайте помогу.
- Да ну, не надо, не трать время.

— Давайте, давайте, вижу, что тяжело.

Дед промолчал, а я взял тележку. И правда, ужасно тяжелая. Он еле поднимается, но всё же держится.

— А что везете-то, можно поинтересоваться?

— Книги, книги. Старые. Утром уйду, собирать пойду, где кто оставил, кто выбросил, а потом продам, хоть какая копейка.

— Кому продадите-то, кто такие купит? Много ли заработаете?

— А сколько-нибудь да заработаю. Тележка за тележкой, рубль за рублем, знаешь ли.

Вот до чего же он меня удивил. По копейке на старых советских книгах собирает и себе откладывает. И как о деньгах говорит — «рубль за рублем». Нет, не блаженный он. Всё же видно. Такой же он — с целью, со смыслом, с выгодой.

— Всё им отдам.

Я настолько не ожидал такого продолжения, что сперва вообще не понял, что сказал дед.

— Чего говорите?

— Всё им отдам, говорю, им, родимым.

— Да кому «им», скажите на милость.

— Дочке пошлю. Дочке моей и мужу ее. Отнесу на почту и пошлю. Как еще чего заработаю, так еще пошлю. Дочке говорю. И мужу.

А что мы раньше знали про этого Алексея Петровича или Петра Алексеевича, то, в общем, и не так важно сейчас. Да знали, на самом деле, только в голову никак не приходило.

Знали, да забыли, что дочь его замужем за банкиром, что ездят они то ли на Хонде, то ли на Мерсе, и что живут они в центре Москвы, и что приезжали они последний раз лет пять назад. Все это знали. Да как-то не до этого было.

И странно, и смешно — дед в старом панельном доме таскает тяжелые тележки, набитые выброшенными старыми книгами, для того чтобы полученные копейки посылать по почте дочке и ее мужу с Хондой и квартирой. А сколько этому деду лет? Кажется, что все мы въехали в этот дом, когда он уже здесь жил. Сам еле концы с концами сводит, а деньги за эти чертовы книги посылает

тем, кто его последний раз лет пять назад видел. И до того обидно стало за него, до того несправедливым мне это всё показалось, что не мог я его не попробовать отговорить.

— Да вы сил-то не тратьте, Алексей Петрович, что толку книги на пятый этаж тягать! Вам же тяжело, вы свое здоровье поберегите, пожалейте себя!

— А чего меня жалеть? Нечего меня жалеть. Я вот каждый день раз по двадцать туда и обратно, ну и что с того?

— Да полно вам, Алексей Петрович, ну что ж вы...

Тут я заметил, что половину лестничного пролета я преодолел и, надо сказать, довольно сильно устал. Тяжелая была тележка. Но в этот момент легкая, сухощавая рука деда опустилась мне на плечо.

— Ты, это, милоч, ты иди, иди и оставь, дай мне самому.

Знаете, мне безумно не хотелось отдавать. Вроде старику тяжело, не сможет он сам затащить ее наверх! И так не хотелось отпускать его — не мог я простить такую вот превратность.

— Да нет, что вы, Алексей Петрович, давайте я дотащу — чуть-чуть осталось.

Дед посмотрел на меня своими подлинно голубыми глазами, откуда-то оттуда, из под своей старой советской шапки, и улыбнулся.

— Да ты пойми — не могу я ее не нести. Мне без нее и идти тяжелей: каждая ступенька для меня — сущий ад. А так я тележку возьму, и до того мне легко становится, до того хорошо. Я ведь и завтра пойду, и послезавтра — ты же прекрасно понимаешь. Свою жизнь я уже прожил. Я для них всё, понимаешь? Для них! Остановлюсь — и нет меня, и книги нести будет некому. Я им отошлю, милоч, и лишним ни один рубль не будет. Вот сколько я живу в этом доме, всё только получаю. Пенсию, компенсации, пособия. А когда столько всего получаешь, с этим всем на пятый этаж не побегаешь. Поэтому я отдаю. Всё отдаю, до конца. Ничего с собой не заберу.

Он взял тележку и с легкостью зашагал дальше по ступеням.

— Я знаю, мне недолго осталось. Да ты пойми, так хочется еще

хоть чего-нибудь успеть отдать, ну хоть чуть-чуть. Вот я и таскаю эти книги, лишь бы успеть. И пенсию им отправлю, и пособия — всё. Да потому что с ними мне сюда не подняться. Некоторые старики, мол, гимнастики разные и упражнения выполняют — всё в форме себя держать хотят. Эх, да в какой же форме себя держать-то в их лета? А мне бы еще ступенечку, ну вот еще одну. Я бы и поболтал с тобой здесь, да только спешу больно, ты сам пойми.

Внезапно мне захотелось заглянуть в его глаза. И я увидел там не глаза старика. А глаза ребенка. Настоящего, чистого ребенка, действия которого никогда не объяснишь формальной логикой. И он скрылся у себя там, на пятом. А я побрел к себе назад.

Вот удивительно. Есть люди, для которых нет никакого возраста. Вообще. Они еще дети — чистые душой. Да и неважно, сколько такому человеку лет — пятьдесят, четырнадцать, тридцать. Они честны перед собой и перед всеми вокруг. Ведь только такой человек может вытащить кого-то из нас из своей квартиры, заставить открыть все железные двери и не быть пленником четырех стен. Я редко видел таких людей, редко. Но каждая встреча с таким человеком вселяет в меня уверенность, что в этом мире остается еще что-то уникальное. В следующий раз я точно почувствую, когда такой человек будет рядом с моей дверью. И я не ошибусь. Я открою ее и выйду к нему. И для меня будет честью идти рядом с ним на его пятый этаж. Знаете, вот так, по-человечески — как бы хотелось пройти свои тридцать ступенек так же легко и так же открыто.

Александр Маннин, 2011

Время бежит

Tempus fugit. Время бежит — об этом знали еще древние римляне. Об этом все знают — о том, что в детстве дни тянутся медленно, а потом — всё быстрее и быстрее. Что в молодости весна может длиться бесконечно, а в старости она превращается в название границы между зимой и летом. Да, время коварно. И ускоряется против нашей воли. Но к этому все рано или поздно привыкают и принимают как должное.

Однако одному человеку время, бегущее так быстро, не давало покоя. В школе он, как и все его одноклассники, конечно, обращал внимание на то, что каждый следующий учебный год проходит быстрее предыдущего, но не придавал этому особого значения. В университете, впрочем, это стало заметнее. Сначала первый курс — промчался, словно вихрь. Второй — улетел, как стрела. Третий — как ракета. Четвертый и пятый курсы вообще закончились, не успев начаться. А когда он устроился на работу, всё стало еще хуже.

Он перестал замечать смену времен года и всякий раз недоумевал — когда успели опасть листья? Откуда вокруг все эти сугробы? Как он пропустил распускание почек? Он еле-еле успевал следить за мировыми событиями, а тем более — за событиями, происходившими вокруг него. Он с удивлением узнавал о том, что кто-то из его друзей женился, кто-то — уехал за границу. У кого-то даже родились дети. Часто ему казалось, что за день он успевает только проснуться и заснуть. Он утратил возможность контролировать время и просто перестал понимать, что происходит. Он понимал лишь одно: время надо остановить.

Для этого он перепробовал всё, что можно. Он пытался составлять расписание, планируя всё поминутно. Работал по 15 часов в день, чтобы не вспоминать ни про что другое. Везжал на месяц в путешествие по Европе. Отключал интернет, выключал телефоны. Бесполезно. Время бежало только быстрее.

Однажды, когда он снова понял, что солнце давно зашло и надо ложиться спать, хотя ему казалось, что день вот-вот начался, он

пришел в отчаяние. Он стал по очереди разбивать на мелкие кусочки все часы в квартире и был готов выйти на улицу — крушить часы на фонарных столбах, но вовремя остановился.

Он успокоился, хотя в эту ночь уже не смог заснуть. А утром — которое для него наступило через пару минут — жутко уставший поехал на работу.

...Когда вечером он шел по парковой аллее к вокзалу, чтобы сесть на электричку до дома, он вдруг увидел, что на скамейке не-далеке сидела девочка. Ей было лет восемь-девять. Он бы вряд ли обратил на нее внимание, если бы на ней не было надето яркое красное платье. Сама она была очень милой, со светлыми короткими волосами. «Эх, была бы лет на десять постарше, мог бы и влюбиться», — ухмыльнулся он. Правда, подойдя чуть ближе, он увидел, что она плачет. Причем плачет навзрыд. И он...

Обычно в таких случаях он проходил мимо. Он боялся тратить время, и так убегавшее неизвестно куда, на других людей и брать на себя лишнюю ответственность. Но в этот раз он остановился. Сел на скамейку рядом с ней, попытался ее успокоить и узнать, что случилось.

«Уже восемь вечера, — сказала девочка, кивнув на свои наручные часики, — а я не могу найти папу и маму. Я потерялась». Парк, в котором они сидели и через который он ходил от офиса до вокзала, действительно был довольно запутанным местом. Потеряться там было несложно.

Он попросил девочку вспомнить, где она рассталась с родителями, и они вместе стали искать это место. Девочка тем временем прекратила плакать и начала рассказывать про то, что она сегодня успела сделать кучу разных вещей и побывать в самых разных уголках города. Особенно ей понравилось большое здание, на котором... Но тут девочка увидела родителей. Они стояли именно в том месте, которое девочка указала, конечно, были сильно взволнованы, однако поблагодарили человека, который помог им найти дочку.

Он улыбнулся, помахал рукой девочке в красном платье и вновь повернул к вокзалу. Но вскоре осознал, что убил несколько

часов на прогулку с девочкой по парку: «Да я же, наверное, опоздал на последнюю электричку!» Он спросил у прохожего:

— Простите, который час?

— Восемь часов.

— Не может быть. Ведь только что было восемь!

— Хорошо, если быть точным — восемь часов и три минуты.

Он не мог в это поверить: «Три минуты! А казалось, что прошло три часа».

Поскольку он не опаздывал на электричку, он решил посмотреть вокруг. И увидел многое, на что раньше не обращал внимания: детей, которые играли в классики прямо напротив него, пожилую пару — у обоих мороженое в руке и улыбка на лице. Деревья, которые уже начали желтеть, но пока сохраняли в себе силу лета. А еще — потрясающий закат, который окрашивал небо в цвета платья на той самой потерявшейся девочке. Внезапно время для него остановилось.

«Время — тайна, иллюзорная и всемогущая», — вспомнил он вдруг цитату из Томаса Манна. «Да, время — тайна, — подумал он, — но, кажется, я приблизился к ее разгадке».

Он понял, что время перестанет убегать от него, если он начнет помогать другим. Конечно, оно будет бежать и дальше, но уже в нужном направлении.

И тогда он стал каждый день уделять время знакомым. Он стал чаще ездить к родственникам и помогать им. Он восстановил контакты со старыми друзьями, одноклассниками и однокурсниками — кому-то помог переехать в новый дом, для кого-то нашел редкую книгу... Стал учить французскому детей коллеги по проекту. Он был готов отдавать для окружающих его людей всё свое время — конечно, так удавалось далеко не всегда, но каждый день — хотя бы несколько минут.

Он делал очень простые вещи, но благодаря им мир вокруг становился чуточку лучше. Он смог обрести власть над своим временем, делая время других насыщеннее и осмысленнее.

Даниил Бордюгов, 2011

Легенда о Человеке

В одной очень далекой стране, в те годы, о которых уже не помнят наши прапрадедушки, в скромной хижине на краю долины, которая уютно расположилась меж двух горных хребтов, на берегу прозрачной речки жил один Человек.

Он был молод лицом, но голова его была совершенно белой, и было непонятно: то ли это седина, то ли просто такой пепельно-золотой цвет был у его волос.

Никто точно не знал, сколько ему лет: одни говорили, что звали его родителей, а другие утверждали, что он уже удил рыбу на берегу реки, когда их деды были еще мальчишками.

Нельзя сказать, что он был богат, но у него всегда всего было в достатке, так что нерадивая хозяйка, забывшая купить муки на ярмарке, и усталый путник, решивший заночевать в деревне, всегда могли прийти к нему с просьбой о хлебе или крове. Он никому ни в чем, что имел сам, не отказывал.

Однажды в той же деревне родился мальчик, которого родители называли Якобом. Когда он дорос до того возраста, что стал сам бегать по деревне, но еще не достиг тех лет, когда стал бы помощником отцу, Якоб полюбил бегать на речку и смотреть, как Человек удит рыбу. Его завораживал вид текущей воды, игра солнца на водных перекатах и мягкое журчание реки.

Якоб был из очень бедной семьи, у него не было своей удочки, и поэтому, несмотря на страстное желание присоединиться к Человеку, ему оставалось только смотреть. Но однажды Человек принес на берег, где его с рассвета ждал Якоб, сразу две удочки.

— Держи, это тебе! — сказал Человек.

— Но мне нечем заплатить вам! — смутился Якоб.

— Ничего, ты расплатишься со мной позже.

— Но если я никогда не смогу наловить столько рыбы, чтобы продать ее и вернуть вам долг?

— Значит, ты расплатишься со мной не деньгами...

Якоб ничего не понял, но так хотел взять удочку и начать рыбачить, что не стал ни о чем переспрашивать Человека.

Так они и ловили рыбу вместе, пока Якоб не подрос и не начал помогать отцу пасти деревенское стадо. Надо сказать, что пасти стадо не так уж легко, особенно, когда у тебя нет хлыста, чтобы объяснить нерадивой корове, куда не стоит идти, и дудочки, чтобы развлечь себя в знойный полдень. Якоб очень уставал на работе!

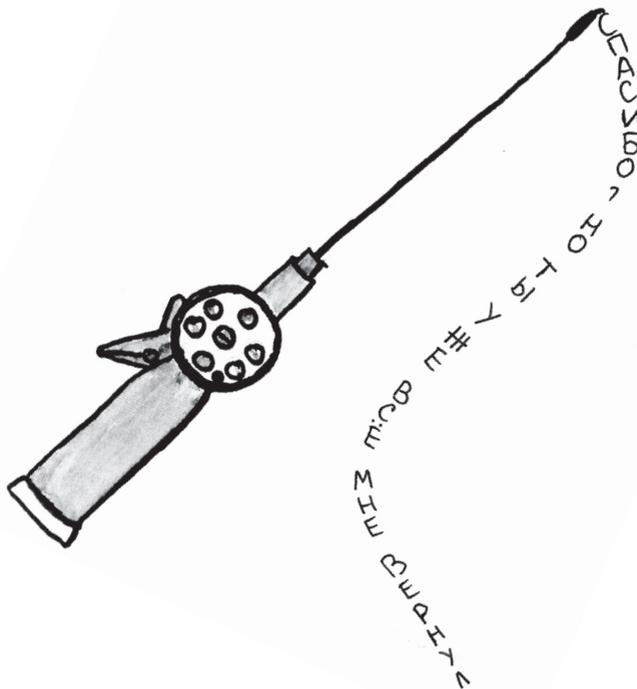
Однажды, вспоминая, как ему было хорошо, когда он ловил рыбу с Человеком в детстве, на вечерней зорьке, когда стадо уже было пригнано в деревню, Якоб не пошел спать (хотя просто валился с ног), а отправился к речке. Человек сидел на берегу и удил рыбу.

Чувствуя усталость и понимая, что того безмятежного времени, когда он сидел рядом с Человеком на этом берегу, уже не вернуть, Якобу стало так жалко себя, что он расплакался и пожаловался Человеку на свою горькую жизнь.

Человек выслушал его, встал и принес дудочку и хлыст.

— Это мне? — удивился Якоб.

— Да! С этим твоя работа не будет столь тягостной.

— Но я не могу отблагодарить тебя, у меня нет денег.

— Ничего, ты отблагодаришь меня позже...

С тех пор Якоб еще много раз обращался за помощью к Человеку, и неизменно Человек откладывал расплату на потом.

Когда Якоб вырос, он решил завести собственное дело по производству игрушек и, конечно же, обратился за помощью к Человеку.

— Понимаешь, — сказал он, — мне надо совсем немного денег, чтобы начать, а потом, когда я получу первый доход, я обязательно тебе всё верну — даже с процентами.

— Хорошо! — ответил человек и дал ему денег.

Шли годы, дело Якоба росло и развивалось. Он стал не просто преуспевающим, а даже богатым человеком. Его фабрика была знаменита на весь мир! Многие дети мечтали об игрушках от Якоба, а сколько радости они доставляли их владельцам! Якоб стал настолько богатым, что на рождественские праздники раздавал игрушки бесплатно, а на каждые каникулы отсылал огромные посылки в дома сирот.

Иногда Якоб вспоминал о своем долге Человеку, но сумма его долга была настолько ничтожна, а дела по управлению фабрикой настолько важными, что это воспоминание быстро терялось. Но не уходило совсем...

«Человек стареет, и я могу не успеть вернуть ему всё, что должен», — иногда думал Якоб.

И вот однажды он отложил все дела и отправился в свою старую деревню, на берег реки, чтобы вернуть все свои долги Человеку. Когда карета Якоба подъехала, Человек всё так же сидел на берегу. Якоб осторожно подошел к нему.

— Я принес деньги, которые брал у тебя, я купил тебе новую удочку, а также музыкальную шкатулку вместо той дудочки, а еще...

Человек обернулся. Якоб замолчал, так как ожидал увидеть глубокого старика, но тот практически не изменился.

— Спасибо, — сказал Человек, — но ты уже всё мне вернул.

— Нет-нет, ты что-то путаешь, я не был здесь уже много лет.

— И тем не менее уже всё вернул! Я наблюдал за тобой с тех

самых пор, как ты уехал в большую жизнь, видел, как ты строил свою фабрику, как был строг, но справедлив к своим работникам, как не отказывал нуждающимся в твоей помощи, видел, какую радость приносил твой труд детям. Всё это и есть твоя плата мне!

Якоб хотел возразить, но в это время к дому подъехала еще одна карета. Из нее вышел нарядно одетый господин и поспешил к Человеку.

— Прости, что меня не было так долго, я пришел вернуть тебе всё, чем ты когда-то помог мне!

— Но ты уже вернул мне всё! — ответил Человек.

Солнце начало садиться за горизонт, и постепенно вечерние сумерки скрыли и Якоба, и нарядного господина, и Человека на берегу реки...

Виталий Лебедев, 2012

Маяк

Свежий утренний бриз наполнил собою воздух спящего приморского городка. Постепенно на светлеющем небе гасли звезды. Ганс бежал по тесным улочкам, оставляя позади аккуратные домики. С каждым шагом он становился ближе к своей цели. И вот перед ним открылась панорама широкого моря, раскинувшегося на многие мили вперед. Под ногами шуршала прохладная галька, и вокруг царило безмятежное спокойствие. Только шум прибоя нарушал густую тишину.

Пристальный взгляд Ганса был направлен на горизонт. Вскоре тьму пробил брусничный рассвет. Далеко на востоке, за краем моря взошло солнце. Свет озарил вдохновенное лицо молодого человека, а в его глазах заиграли искорки мечтаний.

Еще с раннего детства Ганс любил приходить на этот берег и выискивать взглядом шхуны на утреннем горизонте. Необозримый простор, залитая солнцем морская гладь, ветер с брызгами морской воды — всё это придавало ему чувство свободы. Он часто представлял себя капитаном фрегата, плывущего под полными парусами, с командой из отважных матросов. Перед глазами Ганса всплывали всё новые и новые картинки. Теперь уже бушующее море гоняет корабль по высоким волнам, а штормовой ветер, грозно завывая, рвет такелаж. Но он бесстрашно ведет судно по заданному курсу, невзирая на опасности.

Эти грезы наполняли его жизнь и казались невообразимо реальными. Бывало, что, увлеченный потоком мыслей, он забывал об окружающих и не обращал внимания на происходящее. Ни просьбы помочь другим людям, ни забота о близких не могли отвлечь его. Конечно, он не был равнодушным человеком, но увлеченность и преданность мечте сделала его невнимательным к остальным.

К востоку от того места, которое любил посещать Ганс, как белый обелиск, стоял маяк. Каждую ночь — и в штиль, и в сильный шторм — его яркий луч помогал кораблям заходить в гавань. Это заставляло Ганса задуматься о том, кто же каждый раз зажигает в нем огонь, ведь наверняка это скучная и неинтересная работа.

Этим утром, как обычно, маяк погас незадолго до восхода. В алых лучах света он казался еще монументальнее, чем и привлек внимание Ганса. С трудом он разглядел фигуру, выходящую из двери. Когда неизвестный медленно пошел по перешейку, соединяющему остров маяка и город, у Ганса возникло желание побольше узнать об этом человеке и расспросить его, почему он выбрал такую работу. Подобный образ жизни шел вразрез с представлениями Ганса о свободной независимой жизни. Он направился навстречу незнакомцу.

Вскоре фигура стала отчетливо видна. Незнакомцем оказался пожилой человек, идущий уверенным шагом, несмотря на свои годы. Подойдя к нему ближе, Ганс вежливо поздоровался и взглянул в его лицо. Оно было слегка уставшим, но тем не менее во взгляде было что-то, что не вписывалось в общий образ этого человека. Радостный блеск и доброта наполняли его молодые глаза.

— Я часто прихожу на это побережье и вижу, как вы выключаете маяк. И хотел бы расспросить вас об этом. Можно ли узнать ваше имя? — спросил Ганс.

— Конечно, юноша. Меня зовут Томас. Но почему вас так заинтересовала моя работа? Большинство людей даже не замечают свет от маяка и уж тем более не спрашивают меня об этом.

— Почему вы выбрали работу на маяке? — поинтересовался Ганс. — Ведь это такая рутинная работа — каждый день зажигать там наверху огонь. Вы всю жизнь привязаны к одному месту и лишены возможности путешествовать. А я давно мечтаю стать моряком, свободно бороздить необъятные просторы и ни от кого не зависеть.

— Это мой долг и призвание. Жизнь людей зависит от света ориентира в гавани. Я вижу в этом смысл моей жизни. Зачем существовать впустую?

На лице старика появилась легкая улыбка.

— Вы молоды, юноша. Когда-то я тоже был таким.

— Если вы не против, я провожу вас. Мне очень интересно узнать побольше.

Старик кивнул в ответ. Они еще долго беседовали, пока не дошли до города. После этого разговора Ганс много думал о своем взгляде на жизнь и отношении к другим людям.

ЖИТЬ ДЛЯ ДРУГИХ
И ПРИНОСИТЬ
ИМ ПОЛЬЗУ
ЛУЧШЕ ЧЕМ
ЖИТЬ ДЛЯ СЕБЯ

Как-то раз, через некоторое время после их встречи, юноша направился к себе домой. Солнце уже скрылось за горизонтом, а на небе скапливались тяжелые тучи. Надвигался шторм. Люди стали прятаться в домах и закрывать свои окна. Ганс решил пройти через побережье. Когда перед ним уже открылась темнеющая панорама, на море появились огни корабля. Однако что-то было не так в этой картине. Маяк так и не загорался. По воде и камням застучали капли дождя, а ветер стал раздувать волны. Корабль приближался, но шел по неправильному курсу. «Если света не будет, то моряки разобьются о скалы», — подумал Ганс и помчался к маяку. Он открыл дверь, побежал вверх по винтовой лестнице, но на полпути увидел сидящего на ступеньках старика.

— Что с вами?

— Я потерял сознание, а теперь не могу пошевелить ногами. Необходимо зажечь огонь наверху, — ответил старик.

Ганс не раздумывая помог Томасу встать и начал тащить его наверх. Чем выше они поднимались, тем тяжелее давался Томасу каждый шаг. Его ноги стали дрожать и заныли сильной болью. Казалось, что этому испытанию не будет конца. Но Ганс не отступал и продолжал помогать старику. Он мог оставить несчастного человека на ступеньках, а сам вернуться домой. Но что-то его удерживало. Некое чувство того, что так правильно, так по совести. Помогая Томасу и помогая тем людям на корабле, он задумался об их прошлом разговоре.

Вскоре они поднялись на вершину маяка. Старик обессиленным голосом стал объяснять, как зажечь огонь и направить луч в нужную сторону. Выполнив указания, Ганс посмотрел на корабль, который стал поворачивать, чтобы уйти с опасного курса. И в этот момент юноша окончательно понял, что тогда ему говорил Томас. Жить для других и приносить им пользу — лучше, чем жить для себя. В тот вечер он решил, что тоже свяжет свою жизнь с работой на маяке и будет освещать путь кораблей своим светом.

Максим Бичев, 2013

Дом

Когда-то на этом месте стояли три разных человека. Они никогда не были знакомы, жили здесь в разное время и за свою жизнь ни разу не встретились. Но каждый из них называл это место так, как не называл его никто другой. Они называли его Домом.

«День первый. Земля! Этого крика я ждал слишком долго. Мгновенно сорвался с койки и бросился на палубу! Свершилось! За три месяца плавания от Испании мы ни на секунду не потеряли веры в то, что прибудем на место. Мы оставили свои семьи по ту сторону океана. Старой жизни пришел конец. Перед кораблем виднелись берега неизведанного Острова. Острова, который нам еще предстояло исследовать. Никто не знал, что ждет нас там, в дебрях этих джунглей. И хотя никто из нас никогда не бывал на этом Острове прежде, мы верили, что это только начало самого удивительного приключения в жизни. Господи, помоги нам!»

— Вот, тащите вот сюда. Ставьте, ставьте, — послышался голос из коридора.

— Как скажете! — отвечали чуть ли не хором рабочие.

Мужчина лет сорока вышел из коридора с чайником и предложил людям в форме остаться еще ненадолго, передохнуть после тяжелого рабочего дня.

— Билл, скажи, на кой черт ты переехал из самого центра на это побережье, где у тебя нет ничего, кроме пляжа в 15 метрах от дома?

— Я? Да я бы сам ни за что не переехал. Дело в том, что это квартира моих родителей, и я толком не знаю, зачем, но буду ее обживать. Это была их последняя воля, перед тем как они...

— Да ладно, извини. Знаешь, а тут все-таки довольно мило.

Б-703 гулял по острову уже пару часов. Вокруг не было ни души. Он огляделся, вокруг он видел развалины небоскребов, обломки бластеров и космических кораблей. Подойдя к берегу, Б-703 присел на постамент одного из разрушенных зданий и обернулся. Рядом с ним лежала металлическая фоторамка. С изображения на него смотрели улыбающиеся солнечные лица. И тут он понял: всё это что-то ему напоминает. Что-то давно забытое и потерявшее смысл в мире, где он жил сейчас.

Б-703 оглядел развалины здания, возле которого он сидел, и точно понял, что должен найти то самое «забытое», восстановить это в своей памяти. В этот момент все бластеры и огнеметы показали ему жалкими и незначительными.

«День седьмой. Всё шло лучше, чем кто-либо из команды мог предполагать. Мечты, которые еще несколько дней назад казались безумными и призрачными, начинали казаться реальнее, чем прежде. Я всё таскал камни и собирался строить себе дом. Дом, о котором я так всегда мечтал. Дом, который бы не был похож на ветхую лачугу на моей родине. В этом доме всё было бы по-другому. Всю свою жизнь я мечтал о таком доме. О доме, который приютил бы всех, кто в этом нуждался.

Видел туземцев. Как же хочется показать им всё, что мы умеем, научить всему, что мы знаем. Сколько же всего нам предстоит сделать. День за днем таскаю бревна».

Билл достал радио и настроил его на нужную частоту. «...предупреждение...! ...объявление чрезвычайного положения...» Билл прислонил ухо к самому динамику. «Сильнейшая буря надвигается по направлению к западному побережью. Все жители острова должны быть эвакуированы незамедлительно».

Тут он вспомнил. Это дом. Самый настоящий дом. То место, где тебе должно быть тепло и уютно, куда ты всегда хочешь вернуться после трудного и сложного дня. Почему сейчас это слово забыто? Почему оно ничего не значит? Он понял, что хочет дать себе и всем остальным возможность называть какое-то здание Домом.

«День сороковой. Что-то пошло не так. Наш контакт с туземцами провалился. Ночью они напали на нас. Кругом были крики, и мы толком ничего не смогли сделать. Они подожгли лагерь. Я видел, мои товарищи умирали. Слыша крики умирающих друзей, я бежал в джунгли и не оглядывался. Господи, что же это происходит».

После таких неожиданных слов в голове Билли пронеслись все его печальные мысли о том, что многое в жизни бесполезно и не имеет смысла. К нему подошли ошарашенные экстренным выпуском новостей рабочие.

— Знаешь, я, наверное, пойду. Меня дома ждет семья, — сказал, поникши, один.

— Конечно, я не имею права тобою распоряжаться. Уж раз такая ситуация, беги.

Когда Билли начал засыпать, вдруг раздался звонок в дверь. Это был его друг детства — Бен.

— Что ты тут до сих пор делаешь? Закидывай вещи ко мне в машину! Мы уезжаем!

После одного из таких дней работы Б-703 решил отдохнуть. Он опустил на землю клацштеймер, сел на ступени и прислушался. Что-то явно было не так. Обычную тишину острова нарушал какой-то странный звук. Спустя несколько секунд он понял, что шум исходит от только что приземлившегося солнцелета. Сфокусировавшись на самом лайнере, он смог разглядеть, что корабль стоял прямо возле его дома.

По лестнице спустился экипаж. Первый вышедший мужчина, явно капитан, обратился к нему:

— Эй, там, на развалинах! Идите к нам! Мы забираем всех с собой на другую планету! Здесь больше нечего делать! Оглянитесь вокруг!

Б-703 продолжал стоять на месте.

«Туземцы ушли, оставив за собой лишь пепелище. Мой дом, который уже практически был достроен, теперь лежал в руинах. Похоронив товарищей, я принялся таскать бревна. Я снова буду строить этот дом, потому что я нутром чувствую, что так надо. Наверное, я скоро умру. И сколько бы лет ни прошло, когда вы выйдете на этот берег, вы увидите построенный мною дом. Он приветливо откроет вам двери, а внутри вас будет ждать очаг и ночлег. За свою короткую жизнь я понял мало, но уверен, что я понял самое важное. Помните обо мне. А мне пора за работу».

— Я не поеду! Спасайся один. Я верю, что всё еще наладится.

С этими словами Билли подошел к коробке, где всего несколько часов назад лежало радио, и начал распаковывать ее. Предстояло много чего сделать.

— Ну же! Чего ты ждешь? — грубо спросил капитан.

— Я не полечу, — решительно ответил Б-703. — У меня здесь есть важное дело. И кроме меня никто его не выполнит.

Александр Маннин, Полина Менделеева, Анна Крамер, 2013

Дейзи

Пожалуй, судьба — самая непостоянная, непредсказуемая и подлая вещь в этой жизни. Пожалуй, только она способна на всё. Пожалуй, только ей мы не можем противостоять.

Тысячи маленьких электрических огоньков возвышались над пустынными улицами полусонного туманно-серого города. Тысячи маленьких человечков лениво заканчивали свои уже давно ставшие привычными дела и нехотя готовились начать еще один день своей жизни. Нерушимая тишина окутала городские квартиры. Даже вечно холодная и призрачная луна казалась какой-то чересчур тоскливой и одинокой.

В эту ночь наш герой, которого мы условились называть К., сильно задержался на работе. Работа была для К. одной из самых важных и дорогих вещей. Но, безусловно, не самой важной.

Маленькая Дейзи сладко спала в жестком и неудобном отцовском кресле. Рядом не умолкая вещал почти антикварный телевизор, служивший скорее как светильник. Сквозь оконное стекло доносились едва слышимые звуки засыпающего города. В то мгновение эта маленькая квартирка, которую правильнее было бы назвать комнаткой, являлась истинным оплотом чистоты и умиротворения в большом и безразличном городе. К. в тот момент не было дома.

Но мысли его были направлены только туда — в ту самую маленькую квартирку, к той самой маленькой девчужке, по отцовской оплошности оставшейся без ужина и истории на ночь. К., равнодушно пересекая опустевшие городские улицы, решительно направлялся в сторону своего дома. К. прекрасно знал, что Дейзи, как умеющая позаботиться о себе девочка, благополучно добралась от школы до дома, с должным прилежанием выполнила домашнее задание и, скорее всего, сама того не заметив, легла спать, ничуть не жалея о несостоявшемся ужине. К. несколько в этом не сомневался, но что-то необъяснимое заставляло его всё ускорять и ускорять шаг.

Наконец добравшись до своей квартирке, К. увидел мирно спящую дочь, укрытую тусклым, холодным лунным светом. К. вздохнул и невольно улыбнулся. В этот момент К. подумал, сколь глупы все окружающие его люди, не знающие, как мало нужно для настоящего счастья. Нежно поцеловав дочь, К. спокойно лег спать в ожидании нового дня.

Однажды, в один из донельзя похожих на каждый из предыдущих день, когда К. в полудреме неспешно перебирал бесполезные бумаги на столе, к нему в кабинет вбежал один из его коллег. Увидев К., он приостановился, еще раз выдохнул и оглядел себя, явно сомневаясь в том, что он собирался сделать. К. равнодушно поднял глаза и, практически не отвлекаясь от своего занятия, проговорил:

— Я Вас слушаю.

Его коллега не решался вымолвить ни слова, в тесном кабинете воцарилась довольно напряженная атмосфера, и К., одолеваемый неведомым доселе чувством почти животного страха, был вынужден прервать свои бумажные дела и поднять утомленный ожиданием взгляд на вошедшего доктора.

— Говорите же, я Вас слушаю, — уже с явным волнением повторил К.

— Ваша дочь... — робко и неуверенно начал доктор.

Тишина. Томительная пугающая тишина, в которой каждая секунда длится целую вечность. К. не хотел и не мог поверить его словам, он был уверен, что происходящее — лишь сон, такой же нереальный, как и история, которую он рассказал Дейзи в последний вечер.

К. вылетел из кабинета и начал решительно проталкиваться по как никогда длинному и заполоненному коридору, заставив всех куда-то спешивших людей обернуться. К. приблизился к окну одной из палат. Он чувствовал, что идет именно туда, к нему.

На секунду он закрыл глаза, всё надеясь на пробуждение в своей маленькой квартирке на своем стареньком кресле, рядом со своей Дейзи. Собрав всю волю воедино, К. нашел силы раздвинуть веки. Огни померкли. Полуденный солнечный свет обернул-

ся тусклым, серым. Обыденный больничный шум моментально стих. К. не ощущал своего тела — столь мелким и незначимым оно было в этот момент. Ни один, даже самый опытный актер не смог бы передать состояние К. в эту роковую секунду.

Его выражение лица способно было внушить любому хоть сколько-нибудь живому и равнодушному человеку ужас, понижающий каждую частичку тела. Каждое ничтожное движение. Каждый презренный поступок. Всё жалкое и мелкое существо. Наверяд ли кто-либо переживал что-то подобное тому, что переживал в эту секунду К.

Ангельское личико девочки безмятежно лежало посреди кучи белых, чересчур белых подушек и одеял. Ее глаза были закрыты. Закрыты, только не так, как тогда, на старом отцовском кресле, возле невыключенного телевизора. Теперь вокруг девочки стояли устрашающе холодные громады медицинских аппаратов, ежесекундный писк которых эхом отдавался в голове К.

Что происходило с К. дальше? Быть может, он отчаянно в порывах ярости бил по стеклу или же просто смотрел мертвым взглядом на застывшее лицо дочки. К. не помнил. Коллеги еще долго не могли приблизиться к К. Их жалило невыразимое чувство собственной опустошенности, убежать от которого было не так уж и легко.

Недуга, поразившего Дейзи, не было ни в одном медицинском справочнике. Ни один врач не мог дать пусть слабую, пусть незначительную надежду на выздоровление. Болезнь была врожденной. Она была у всех в их роду, но не повезло именно Дейзи. К. не мог знать. И не знал. Коварная судьба предательски послала приступ Дейзи, когда она, беззащитная, сидела за партой в школе, именно тогда, когда К. не мог быть рядом. Но если в этом мире и существует что-то, что можно назвать любовью, то это, безусловно, было то чувство, которое испытывал к Дейзи К.

Каждый раз при виде этого скованного невидимыми цепями болезни личика К. словно умирал и рождался в одно мгновение. Его разрывало на тысячи мелких кусочков, а эти кусочки на тысячу еще более мелких. К. всегда знал, что не может представить

своей жизни без этой сияющей искренностью улыбки, без этой бескорыстной заботы и ласки, без всего того, что в его жизнь привносила его единственная дочь — единственная отрада и утешение, единственная надежда, единственный смысл. Одна мысль об отсутствии этого смысла разрушала всю сущность. Он понимал, что его дом — там, где Дейзи.

— Я вылечу Дейзи, — с уверенностью произнес К. И в этом слышалось что-то неземное, что-то затрагивающее самое сокровенное, чему подчиняешься без колебаний.

Его собеседник доктор Франк — прекрасный врач, профессионал, подобных которому единицы, — был одним из самых близких для К. людей. Франк был опорой и надежной поддержкой К. В любых ситуациях. Только ему занятый операцией К. мог доверить проводить драгоценную Дейзи в музыкальную школу и понести ее бесценную флейту. Франк понимал, что никакое сожаление, пусть даже самое искреннее, ему не поможет — он не представлял, какими словами можно было хоть как-то поддержать К. Никто не представлял. Франк чувствовал невероятную ответственность за то, что он сейчас скажет. Он замешкался и медленно и неуверенно начал...

— К., пойми, средства от заболевания Дейзи не существует. Это не твоя вина. Я понимаю, это тяжело признать, но боюсь, ты, я, да кто угодно — бессилён.

К. вздохнул, отвел взгляд от Франка, на утешение которого он так надеялся и, пораженный его словами, с напором ответил:

— Я найду средство.

— Увы, но всё, что ты можешь сделать — это провести последние минуты с ней. Всё можно пережить. И я уверен, ты сможешь найти в себе силы сделать это.

Слова друга поразили К. Он не мог даже предположить, что Франк скажет такое. Франк не мог этого сказать — он же знает, что К. не может бездействовать. Знает, но продолжает настаивать на своем.

Бессилие, безнадежность, безучастное ожидание — самые страшные вещи для К. Он это понимал, но был не из тех, кто без-

думно подчиняется обстоятельствам. Он не привык играть по правилам.

Его взгляд был полон непонимания. Непонимания и недоверия Франку. Он не хотел ему верить. Простояв так несколько мгновений, К., сам того не заметив, резко и стремительно ринулся к рабочему столу. Одним решительным движением руки все эти лживые бумаги, в которые К. обязан был ежедневно погружаться, разлетелись по кабинету. Взгляд К. почти инстинктивно выбрал несколько нужных колбочек и ампул, вмиг они оказались у него в руках.

— Это безрассудство, — вымолвил ошеломленный намерениями своего коллеги Франк. — Нельзя же...

— Мне плевать! — зверски проревел полностью погрузившийся в дело К.

Франк повернулся и сделал несколько медленных шагов к двери. К. не заметил, как он вышел. К. начал искать средство. То самое недостижимое средство, которое закончило бы этот кошмар и снова вернуло умиротворение в тесную квартиру К.

К. взял несколько препаратов, отмерил нужные дозы и закапал в ампулу. «Если болезнь врожденная, значит, она и у меня в крови», — подумал он и уцепился за эту мысль, как за последнюю надежду на спасение. К. вдел иглу, занес ампулу над левой рукой, глубоко вздохнул, на секунду закрыл глаза и решительно вонзил иглу.

К. не почувствовал ни боли, ни холода, ничего. К. ни о чем не думал. Анализ крови. Нет изменений. К. не поколебался. У него не было ни времени, ни желания думать. Он проделывал эту жестокую процедуру снова и снова, каждый раз получая отрицательный результат, как будто вождедея всё новых и новых неудач. Колба за колбой. Ампула за ампулой. Каждое его движение стало отработанным машинальным шагом. Попытка за попыткой. Неудача за неудачей. К. уже не понимал, кто или что ведет его тело, его сознание уходило...

Когда он проснулся и оторвал голову от усеянного множеством использованных колб и ампул стола, он почувствовал чье-то при-

сутствие. Кто-то стоял у него за спиной. К. медленно обернулся и увидел силуэт Франка.

— Перестань геройствовать. Только что ты чуть себя не погубил. Любая следующая ампула может стать последней.

Эти слова приободрили К. Своим уверенным и как никогда серьезным видом Франк не выдавал ни единой тени сомнения в произнесенных словах. Безысходность. Страх.

— Вставай, тебе надо набраться сил, — сказал Франк.

— Сейчас, один момент... — еле выговорил К.

К., зажмурив глаза, предпринял тщетную попытку самостоятельно подняться. «Он прав, — подумал К. — Я действительно скорее мертв, чем жив». Франк помог другу встать и потащил его по устрашающе пустым коридорам.

К. снова заходит в кабинет. Час за столом кажется днем, два — неделей, и так далее, пока время не сливается в единый поток, в котором нет места даже смене времени суток, даже движению стрелок на циферблате стенных часов. Стоять до конца и верить. Главное — верить.

Он закрывает глаза. Вдох-выдох. Нужно делать всё быстро. Укол. Вроде всё в порядке. Проходит минута-две. Сердце бьется быстрее, от волнения его ноги подкашиваются, слабеют. Он падает.

...Дейзи приоткрыла глаза и прищурилась от яркого полуденного солнца, светящего сквозь больничное окно. Квартирка К. не опустела.

Им двигала не надежда. Любовь. Ничего кроме любви. Ведь это священное право человека — любить. Любить так, чтобы всё остальное было лишь незначительными помехами и мелочами. Пожалуй, только искренне любящий способен укротить такую подлую и непостоянную вещь, как собственную судьбу.

2013

Человек и волк

Ночной лес спал в безмятежности, пока его тишину не нарушил бегущий человек. Каждая его мышца напрягалась от усилия, преодолевая боль и усталость. Он не знал ни одного языка, а одежда его состояла из шкур животных. Прыгая с кочки на кочку и обегая деревья, он скрывался от своего давнего врага. Темным пятном по его пятам следовал внушающий всем страх дикий зверь. Рык этого лесного существа заставлял жертву бежать еще быстрее. Ветки нещадно хлестали его лицо, сбивая с пути. Он знал, что страх вот-вот настигнет его. Во тьме он потерял ориентир, и зверь загнал его в западню. Человек увидел белые зубы и сверкающие глаза. Казалось, что ужасный конец был неизбежен.

Но неожиданно между ними сверкнула яркая вспышка. То была молния. Она подожгла близстоящее дерево. Пламя разделило хищника и человека. Он не знал, как поступить: страх перед огнем был силен так же, как страх перед хищником. Спустя пару секунд он преодолел себя и схватил горящую головешку, обжигая себе руки. Боль придала ему уверенности и позволила отогнать волка. В огне было что-то чарующее и загадочное. Он освещал всё вокруг и дарил тепло. Человек решил оставить его себе и приручить.

Вернувшись в свою пещеру, он положил пламя в центр, сел и стал наблюдать. Огонь озарил светом его жилище и наполнил красками. Он и не думал, что такое страшное создание способно приносить пользу. Вскоре страх перед пламенем исчез, а человек погрузился в размышления. Он открыл в огне для себя что-то новое и незнакомое. Согревая тело, огонь создавал уют в душе, приносил умиротворение и спокойствие. Человек приручил свет, всегда такой манящий и опасный. Так просидел он довольно долго, поддерживая пламя.

Всё это время волк выжидал снаружи. Человек чувствовал его присутствие. Он знал, что наступит время, когда придется покинуть укрытие и встретиться со своим страхом лицом к лицу.

В ОГНЕ МБЫЛО ЧТО-ТО
ЧАРУЮЩЕЕ И ЗАГАДОЧНОЕ.
ОН ОСВЕЩАЛ ВСЁ ВОКРУГ
И ДАРИЛ ТЕПЛО.

Огонь развеял его тревоги и опасения. Набравшись духу, человек смело вышел на борьбу со зверем, сжимая в руке копье и факел. В темноте блеснули желтые глаза, и волк бросился в атаку. Человек увернулся, опалил шкуру хищника и тяжело ранил его. Тот упал на землю и захрипел. И тут человек сделал то, на что раньше был не способен — он не добил павшего зверя. Где-то в глубине души появилось сострадание. Человек заглушил примитивные эмоции и укротил дикого зверя внутри себя.

Притащив раненого волка в пещеру, он положил его возле огня. Еще недавно грозный хищник был беспомощным и полуживым. Человек решил для себя, что сделает всё от него зависящее, чтобы выходить волка. Долгое время он поил и кормил его. Сначала волк пытался укусить его, но видя, что человек не желает ему зла, стал ему доверять.

Когда волк выздоровел, они вышли из пещеры вместе. Осознание произошедшего изменило их обоих. Огонь и свет поселились в сердце человека, а волк стал его верным другом.

Я знаю, что день ото дня этот огонь будет гореть всё ярче, а свет будет освещать мой путь. И даже если меня не станет и я буду полностью состоять из света, со мной всегда останется мой волк, которого я приручил когда-то — символ моей победы над самим собой.

Александр Маннин, Максим Бичёв, 2013

Зимняя дорога

Яркий свет встречных фар пробивал плотную стену снегопада и слепил глаза. Усталые глаза водителя всматривались вдаль. Он уже давно был в пути. Иногда он делал остановки, чтобы поесть или заправить машину, но в основном впереди и вокруг него была только снежная гладь и мерцающий свет фар встречных машин. Где-то в глубине исправно урчал двигатель. Водитель потерял счет пронесившимся мимо заправок, кафе и километрам пути. На его лице чувствовалась усталость, но руки крепко сжимали руль, ведь в голове была осознанная цель — скорее добраться домой.

Прошло много времени с момента последней остановки, когда водитель заметил вдалеке на обочине путника, идущего сквозь бурю. Его заснеженная фигура привлекла внимание водителя, но ровно настолько, чтобы удивиться его странному выбору маршрута и погоды для передвижения. Ни один автомобиль не останавливался, чтобы подобрать его. Водитель тоже промчался мимо, погруженный в свои заботы. У него не было времени, чтобы помочь путнику.

Откровенно говоря, у водителя никогда не хватало времени на отдых или на то, чтобы остепениться и подумать. Иногда ему казалось, что жизнь всегда бежит впереди него, и чем больше он хотел успеть, тем меньше ему удавалось. Суэта большого города и постоянные бессмысленные переезды поглощали его, хоть он сам этого и не замечал. «Все остальные тоже так живут. Значит, и я смогу», — часто рассуждал водитель, подхватываемый вихрем будничных дел.

Проехав несколько километров, водитель подумал: «А вдруг никто не остановится и не поможет? Путник там один, в такой буря, и неизвестно, сколько он уже идет». Эти мысли закружились у него круговертью в голове, с каждой минутой набирая обороты и заглушая всё остальное. До этого водитель был уверен, что это не его забота — беспокоиться о совершенно постороннем человеке. Проехав еще немного, с удивлением для самого себя, водитель принял решение развернуться.

Скоро на краю дороги снова появилась фигура путника. Он был похож на шагающий снежный ком, и, несмотря на теплую одежду, было видно, что холод уже начал одерживать над ним верх. Его борода и даже ресницы были полностью покрыты снегом. Водитель остановил машину и вышел из нее. Сильный ветер чуть не сбил его с ног, и, ухватившись за дверь, он с трудом сохранил равновесие. Он предложил путнику подвезти его. Водителю показалось, что его слова унес порыв ветра, но путник услышал его и согласился. Они старательно отряхнулись и сели в машину.

— Суровая нынче зима вышла. Неожиданно увидеть человека, идущего пешком в столь неприятную погоду, — сказал водитель.

— А мне нравится, — ответил путник. — Это мое любимое время. Но, впрочем, вы правы. Я немного переоценил свои силы и уже начал бояться, что простужусь, и если бы не вы... Я очень благодарен вам. Обычно люди не замечают чужие проблемы. А вы остановились. Почему?

— Не знаю. Я просто внезапно представил, как вам, наверное, тяжело. А куда вы держите путь? — спросил человек.

— Домой, — ответил странник. — Здесь недалеко. Пять километров прямо и еще несколько направо от перекрестка. Я буду признателен, если вы довезете меня.

Водитель удивился:

— Как интересно. Я ведь тоже еду домой и с нетерпением жду момента, когда окажусь там. Только вот потом снова дела и даже минуточки нет на отдых.

— Каждый сам хозяин своей жизни, — загадочно сказал путник.

Машина постепенно набирала скорость, и свет встречных фар вновь замелькал в окне.

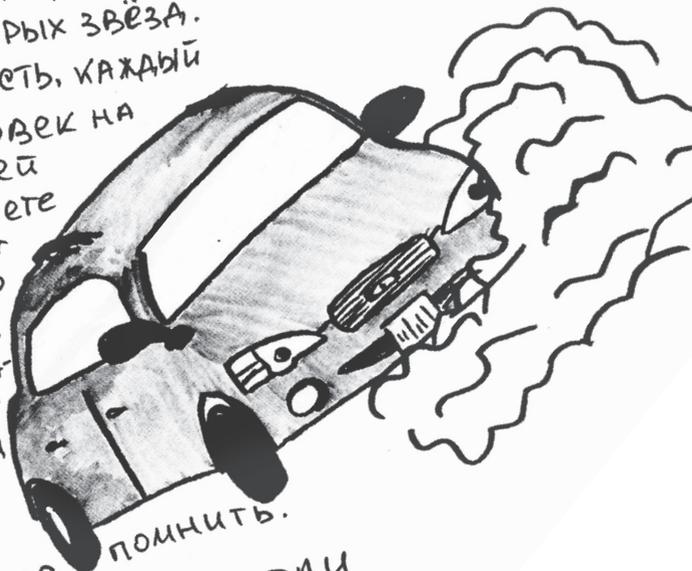
— Даже и не знаю, как вам возразить. Я сам понимаю, что жизнь начинает опережать меня, а я пытаюсь ухватиться за нее, почувствовать себя настоящим, но гора дел и кабала проблем снова заставляют меня забыть о происходящем вокруг и даже о самом себе.

Есть
красивая
теория о
том, что
все мы —
звездная
пыль, осколки
старых звёзд.
То есть, каждый

человек на
нашей
планете
имеет
что-то
общее,
связыва-
ющее его
с другими.
Об этом

нужно
постоянно
помнить.

Сегодня вы помогли
мне, и, быть может,
сейчас кто-то уже
едет к нам на
помощь.

— Вот видите. Вы сами понимаете, что так жить нельзя. Когда-то давно, в вашем возрасте, я тоже был занятым. Но время научило меня другому. Я понял, что жизнь надо разделить с другими людьми.

— Это как? — недоумевая, спросил водитель.

— Я люблю путешествовать и много где побывал. И понял очень простую истину. Чем больше ты кому-то помогаешь, тем больше помогают тебе. Необязательно те же самые люди. Просто мир так устроен: всё в нем взаимосвязано.

Тем временем они свернули направо на узкую и плохо очищенную дорогу.

Водитель снова начал задумываться о своей судьбе и о том, что, может быть, он проводит жизнь как-то неправильно — если эту непрекращающуюся суету вообще можно было назвать «жизнью». Город требовал ото всех его жителей подчинения, дисциплины: как винтики и шестеренки, они должны были выполнять свою работу на благо большого механизма. А тут водитель встретил путника, который был действительно свободен. Он был волен путешествовать, дышать полной грудью и обращать внимание на происходящее вокруг. Его жизнь принадлежала ему самому, и он делил ее с другими людьми. «Быть может, в этом и есть смысл», — подумал человек и погрузился в размышления.

Но они продолжались недолго. Внезапно машина проскользнула по льду и съехала в сугроб. Попытки выехать из него самостоятельно не увенчались успехом. Путник вышел из машины и попробовал подтолкнуть ее, но, как усердно он ни толкал, сдвинуть ее с места не удавалось. Он вернулся в машину, а водитель уже было отчаялся.

— Не переживайте так. Мир не без добрых людей. Кто-нибудь обязательно поможет.

— А кому это в сущности надо? Да и не ездит здесь почти никто. Так можно всю ночь просидеть или, чего хуже, околеть совсем.

— Вы знаете, я однажды слышал красивую теорию, что все мы звездная пыль — осколки старых звезд. То есть каждый человек

на нашей планете имеет что-то общее и связывающее его с другими. Об этом нужно постоянно помнить. Сегодня вы помогли мне, и, быть может, сейчас кто-то уже едет нам на помощь.

Водителю очень понравилась эта точка зрения, и он начал расспрашивать путника про путешествия, про встреченных им людей. Их рассудительная беседа длилась довольно долго. Они даже не заметили, что снег прекратился и на небе засияли звезды. А вскоре, как и обещал путник, рядом с ними остановилась машина и вышедший из нее молодой человек предложил вытащить их из сугроба.

— Вот видите, всё, как я говорил, — улыбнулся путник.

Они быстро привязали трос, и стремительным рывком их машина была вызволена из снежного плена. Искренне поблагодарив молодого человека, водитель и путник поехали дальше и очень быстро оказались у дома путника.

— Ну что же, пришло время прощаться. Спасибо вам. Вы действительно мне помогли. Хорошей вам дороги и скорейшего возвращения домой. Не забывайте о том, что я вам говорил. Вы молоды и сами можете владеть своей судьбой. Цените людей вокруг вас и будьте внимательны к ним.

Водитель впервые за долгое время улыбнулся. На душе он испытывал легкость, какая была у него в детстве. Он тоже поблагодарил путника. Так они распрощались. Водитель снова отправился в путь, но почему-то чувствовал, что вернется домой уже совсем другим. А в дороге он не прекращал размышлять о том, что все мы звездная пыль, каждый человек состоит из нее, а потому способен нести свет окружающим. Главное только захотеть.

Максим Бичев, 2014

Как горит бумага

Жечь было наслаждением. В камине горел огонь — такой яркий, теплый и опасный. Он охотно поглощал бумагу, оставляя лишь пепел. Кто-то скажет, что рукописи не горят, однако и они не могли спастись от неуправляемого пламени. Буквы исчезали на чернеющей бумаге, унося в небытие содержание страниц. Отблески огня играли на стене, словно солнечные зайчики. В стекло монотонно барабанил дождь. Погода испортилась на всю неделю, и было трудно заставить себя выйти на улицу.

У камина сидел Человек и подбрасывал в огонь листы бумаги: бесполезные печатные издания и рукописные тексты. Главное, что ему было хорошо и уютно — это единственное, что интересовало его на тот момент. «Наконец-то эти бесполезные пыльные тома пригодились!» — размышлял Человек. Они приносили свет и тепло. Жечь было наслаждением.

По улице под дождем шла Девушка. Ее путь был достаточно долог, чтобы промокнуть до нитки. Но, несмотря на неприглядный вымокший вид, в ней было что-то необычное. От нее веяло весной, чего нельзя было не заметить в этот холодный осенний вечер. Окончательно выбившись из сил и потеряв надежду добраться до цели, она увидела небольшой дом. Он почти ничем не отличался от соседних построек, но в его окнах играли лучи света. Такой свет бывает только от большого огня, а значит, возле него можно согреться. Подбежав к дому, Девушка постучала в дверь. Человек встал из своего кресла и задумался. Кто и зачем ходит так поздно под дождем? В дверь постучали еще раз, и Человек поспешил открыть.

Холодный неприятный ветер тут же ворвался в дом, наполнив его осенней сыростью и заставив Человека съежиться. На пороге стояла хрупкая девушка, очень легко одетая. Хозяин дома сказал, что не ждет гостей так поздно, а непрошеным вообще не рад. Девушка вежливо извинилась и попросила впустить ее погреться.

Выбора не было. Она шагнула через порог и скинула капюшон. Человек заметил ее проницательный взгляд и светлое лицо. От-

кровенно говоря, Человек не любил приглашать кого-либо к себе и вел отшельнический образ жизни, спокойно лелея свое существование. Такая жизнь ему нравилась. Но в этот раз неожиданное знакомство заинтересовало Человека.

Посадив Девушку напротив камина, сам он уселся неподалеку и подбросил в огонь стопку листов. Гостья искренне удивилась такому поступку и спросила, почему он не использует дрова, зачем сжигает книги. Человек ответил, что ему нравится, как горит бумага, а ценности в написанном он не видит. Девушка возразила, ведь в каждой книге содержится частичка души и мыслей автора. Бросая книги в огонь, он сжигает их долгий труд. Человек сказал, что никогда не задумывался об этом. Просто горящая бумага, которая дает тепло. Так они проспорили еще некоторое время.

Вскоре Девушка согрелась и пожелала снова отправиться в путь, пока не наступила глубокая ночь. Человек так давно ни с кем не общался, что ему не хотелось ее отпускать. Но задерживать гостью не стал, а лишь предложил ей взять зонт, чтобы потом она могла его вернуть и навестить Человека. Девушка улыбнулась и сказала, что непременно зайдет к нему позже.

Человек снова остался один. Он долго сидел и думал, и лишь глубокой ночью погрузился в дремоту. Сон перенес его в какой-то запыленный, старый городишко. Человек видел всё как в тумане. Казалось, что время в этом городке остановилось. Люди торопливо проходили мимо, устремив пустые взгляды в землю. Человек окликнул одного из них, но прохожий не ответил. Человек долго блуждал по этому пыльному захолустью, не в силах найти себе места от какой-то непонятной тревоги, как будто сжигающей его изнутри — так же, как он сжигал книги и рукописи.

И вдруг, проходя мимо серого и невзрачного дома, он услышал свое имя и возглас: «Что ты сделал полезного и нужного в своей никчемной жизни?!» Голос этот звучал как будто у него в голове. Он отдавался эхом: «Никчемной. Никчемной жизни...»

Человек испугался. Неужели это сказали ему? «Нет, это какая-то ошибка», — убеждал он себя. Есть еще много людей, которых так же зовут. Не может быть. В каком-то непонятном, оторопев-

шем состоянии он пошел, никуда не смотря и не думая, куда он идет и зачем. Через какое-то время он стряхнул с себя завесу оцепенения и изумленно огляделся вокруг. Он стоял среди могильных камней. Ни о чем не думая, он стал бродить между ними.

Его внимание привлекла одна из могил. Как будто заброшенная, никому не нужная, стояла она где-то в стороне. Подход к ней зарос колючими сорняками, надпись была почти полностью стерта, а калитка скрипела, покачиваясь на сломанных петлях. Он начал подходить, продираясь сквозь заросли. С трудом разобрал он надпись на камне. Это было его имя, его дата рождения, его портрет.

«Такого не может быть. Вот же я. Стою. Живой!» — мысленно воскликнул он. Но надпись на камне была поразительно правдива. «Вот он, конец твоей никому не нужной жизни. Всю жизнь ты только и делал, что жег книги. Ты пришел в этот мир и уйдешь из него, ничего не сделав. Тогда зачем? Для чего ты жил?» — прозвучал чей-то голос у него в голове. Человек обернулся и увидел образ Девушки, приходившей к нему вечером. Это она говорила.

Непонятный страх охватил всё его существо. Мысли в его голове перепутались. Человек не понимал, что происходит и что он должен сделать. Ноги его подкосились. Он упал на землю. Всё вокруг стало кружиться. И внезапно погасло.

Человек проснулся у себя в комнате. Всё, что он только что видел, было сном. Понемногу Человек начал вспоминать то, что он видел там. Когда он вспомнил всё, он задумался и понял, что если сжигать книги, то ты ничего не добьешься. Тепло от пламени горящих книг не приносит в этот мир истинного добра, а лишь создает его иллюзию. Наутро Человек первый раз за много лет вышел из дома, полный решимости изменить свою жизнь и мир вокруг.

*Максим Бичёв, Мария Скрипачёва,
Иван Георгий Скрипачёв, 2014*

След победы

Этим необычно теплым майским утром, если немного приглядеться, можно было увидеть старые следы сапог на земле и человека, сидящих над ними на корточках. Эта история — про следы и про того, кто их оставил.

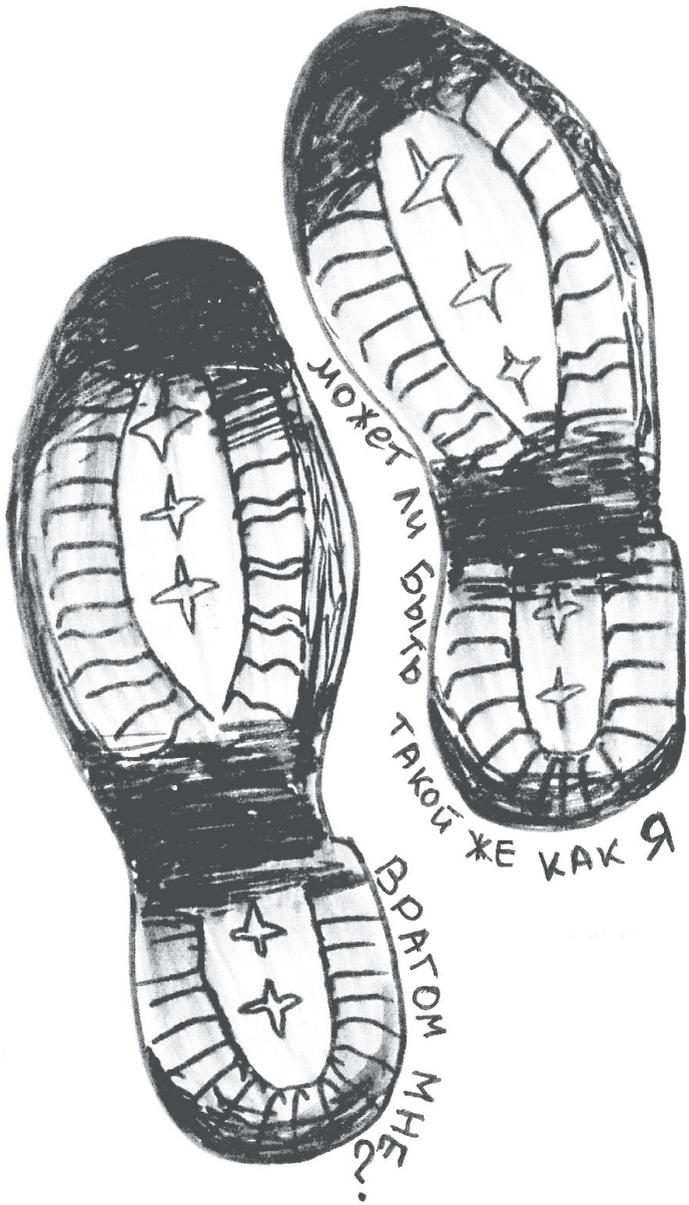
Победители бывают разные. Бывают на параде в красивой форме, ровными рядами идущие с вражескими знаменами. Бывают на пьедестале почета: с кубками в руках и медалями на груди. А бывают в сапогах цвета пятилетней грязи, в шинели, которая старше них, войлочных шапках с ушами и криво пришитой звездой.

Было жарко. Я устал шел по дороге, расстегнув шинель и засунув шапку за пояс, никуда особо не смотря, мой взгляд блуждал по сторонам, пока я не наткнулся на следы сапог. На свои следы, которые я оставил пять лет назад. Как я пришел сюда? Почему я очутился на этой дороге? Два вопроса пробудили в моей голове смешанные воспоминания и спутанные чувства, которым было лет столько же, сколько грязи на моих сапогах.

Это было тогда, когда у меня еще не было сапог. Был вечер, я стоял на каком-то пустыре с такими же как я людьми: кто в чем. Нам выдавали новые, чистые сапоги и шинели, которым даже на вид было больше лет, чем невысокому сутуловатому человеку, который руководил процессом, а перед этим говорил что-то, что тогда казалось мне правильным.

С тех пор прошло много лет, однако тот вечер я помню до сих пор хорошо: мы пришли на тот пустырь совершенно разными людьми порознь и с тысячью разных мыслей, со своими страхами и чувствами: мы были дворниками, приказчиками, рабочими... а ушли в одинаковом старом сером сукне, уже зная, что нам думать, чего нам бояться, кого любить и кого ненавидеть. Пожалуй, именно тогда я начал идти туда, где я в итоге оказался, именно тогда появились те следы, на которые я сейчас смотрел.

Я не чистил свои сапоги уже год. Может быть, больше. Было холодно, сыро и темно. Тем не менее, то чувство счастья, что я испытывал в тот момент, я, наверное, не испытаю более никогда. Я был

жив и я победил. «Победа! Победа!» кричал я вместе со всеми. В тот унылый осенний день я услышал это слово по-настоящему впервые, потому что тогда я чувствовал его: мы ненавидели побежденных, обожали себя за то, что мы выжили, хотели лишь одного: еще раз и еще раз испытать это чувство. Мы жили победой следующие несколько дней, а память о ней была с нами еще дольше.

Тот осенний день окончательно оторвал таких как я от других. Мы были победителями, они — побежденными. И между нами не могло быть ничего общего. Так было долго: целых четыре года.

Грязи на моих сапогах скоро будет пять лет. Месяц назад к нам прискакал всадник, радостно кричащий «Победа! Победа!». Мы подняли головы и попытались как тогда, много лет назад, рассмеяться. Нас распустили по домам. Я шел через какое-то село, о котором я помнил лишь, что мы его брали. Когда? Четыре года назад? Год? Вчера? Важно ли это? Тогда там жили враги. Но сейчас я видел обычных людей, таких же как я. Может ли быть такой же как я врагом мне?

Осознание этого было неожиданным, но и каким-то радостным: как будто я пробудился от долгого, тяжелого сна. Как будто я понял что-то сокрытое от меня. Я не был победителем, а они не были побежденными. Просто обычные люди, в стране, разрываемой противоречиями. Мы ничем не отличались, и именно я своими действиями, своими чувствами пытался создать это отличие, пытался сделать других побежденными, а себя победителем. Всё это мы придумали в своих головах. И чтобы понять это, мне понадобилось пять лет.

Было жарко. Я усталое шел по дороге, расстегнув шинель и засунув шапку за пояс, никуда особо не вглядываясь, мой взгляд блуждал по сторонам, пока я не наткнулся на следы сапог. На свои следы, которые я оставил пять лет назад.

Я посмотрел на свои сапоги цвета пятилетней грязи, наклонился, сорвал пучок травы с обочины дороги и начал чистить обувь. Мне было противно осознавать глубину своих ошибок и чувствовать стыд за ненависть к таким же как я людям.

*Максим Бичёв, Иван Георгий Скрипачёв,
Даниил Кожемяченко, 2014*

Что такое доброта

Дул холодный пронизывающий ветер. Город, потемнел, стоя под серым дрожащим небом. По улице торопливо шел человек. Казалось, он совсем не замечал, что творилось вокруг. Он шел по заученному маршруту, каждое его движение было точным и четким, как если бы Человек репетировал перед зеркалом.

Он шел, не обращая внимания на деревья, людей. Не обращая внимания на снежинки перед его лицом, на серую слякоть под ногами. Человека уже много лет не интересовало ничего, кроме цифр в счетах и чеках. И сейчас он торопливо шел по серому парку, сжимая в руке листок. На листе бумаги было написано, что Человек повышен в должности, что теперь он работает в другом филиале, что ему надо туда прийти. Да и не важно это — куча бесполезной, ненужной информации...

Странно, но Человек не обрадовался, когда увидел извещение. Никаких чувств — только холодные рассчитанные действия. Ни радости, ни гордости, ничего... Он столько лет кропотливым трудом шёл к этой цели. А когда достиг — забыл, зачем вообще всё это ему было нужно. Так Человек шел без цели и маршрута, вспоминая, кто он и какая жизнь была раньше. Он шел сам не понимая куда, но одно он знал точно — он просто не мог сидеть на месте.

Он вспоминал себя в детстве: как он радовался новому году вместе с родителями у старого черно-белого телевизора, как играл в снежки и лопал хлопущки. Затем он почему-то вспомнил как с друзьями собирали макулатуру и кормили бездомных животных и птиц, как бежал по вечерней Москве, и свежий после-закатный воздух наполнял его лёгкие. А дальше воспоминания пролистывались всё быстрее: рухнувший союз, свобода и нищета, равенство и несправедливость, работа, работа, работа — быстрее, выше, сильнее. Желание выбиться в люди и обогнать остальных, таких же как он. И всё больше, больше, больше, стирая личность и индивидуальность люди сами добровольно становились винтиками механизма. В прочем, как и всегда.

Вдруг, Человек почувствовал чье-то прикосновение к своей руке. Он вернулся в реальность и остановился. Рядом с ним стоял маленький мальчик. Его белокурые волосы казались светлым пятном посреди осенней серости. Любопытный взгляд голубых глаз был устремлен в серые глаза Человека. «Простите» — тихо сказал Мальчик. «Простите, а что такое доброта?» Человек вздрогнул. Он сильно удивился. С чего бы это ребёнок задаёт именно ему такой вопрос. Тем более, на улице. Про доброту.

— Прощу прощения! — обратился он к Мальчику. — Что ты сказал?

— Что это? — снова спросил Мальчик — Я очень хочу узнать, что такое доброта?

Человек ответить не смог.

Вечер опустился на город. Тишина легла на город вязкой глыбой. Парк опустел. Человек стоял, глядя в тихую мутную воду мелкой речки. Ветер трепал его волосы, легкий плащ был не застегнут. Но Человека это не волновало. Он думал. «Что же такое доброта? Кому она нужна? Почему этот Мальчик спросил именно меня?» Столько вопросов. Но посреди своей суетливой жизни Человек потерял ориентиры. Он уже не мог с уверенностью сказать, что такое хорошо и что такое плохо, где добро и где зло, и как отличить зерна от плевел, когда тебе до этого нет дела? ответов так мало...

Человек присел на скамейку и огляделся. Мальчик уже давно убежал, как будто его и не было вовсе, но благодаря нему человек захотел увидеть, что вокруг него происходит. В парке зажгли фонари, и он заиграл иными оттенками. А постоянно давящий шум города, уменьшался, открывая всю прелесть спокойствия и тишины. Человек вздрогнул. Как давно он перестал наблюдать за миром вокруг? И что с ним стало?

У перил моста стоял пожилой человек, а рядом с ним на брусчатке было несколько картин. Человек встал и подошёл к ним. «Вы продаёте картины?» — спросил Человек. «Отдаю в добрые руки» — ответил старик. Несмотря на измученное жизнью лицо, его голубые глаза продолжали сверкать. Чем-то они напоминали

Человеку глаза того мальчика.

– Возьмите картину, денег не надо

– Но позвольте спросить, зачем вы их отдаёте ведь они же имеют цену, это же ваш труд в конце концов. Человек как раз в этот момент обратил внимание, что одет старик был в старое, местами протёртое пальтишко.

– В своих картинах я стараюсь передать красоту этого мира и подарить её людям, которые так быстро живут, что не замечают ничего вокруг. Иногда мне за них дают деньги, которые я трачу на краски или еду для бездомных людей. В любом случае, они не цель моего творчества. Возьмите картину. Вижу, что она вам нужна. – старик улыбнулся.

Человек был в смятении. Он встречал в своей жизни художников, но они знали цену своим картинам. И, как правило, просили за них немалую сумму денег. А тут старичок, который просто тратит свой талант.

– Возьмите вот эту, не пожалеете.

Человек поблагодарил старика и взял картину. Постояв немного, вдыхая сырой воздух, поднимавшийся над заболоченной речонкой, он пошёл по дорожке. Человек ускорил шаг. Ему не терпелось попасть домой. На город уже спустилась ночь, а листок, который Человек так сильно сжимал несколько часов назад, лежал забытый возле скамейки.

Доброта. Теперь он был уверен, что знает ответ. Впервые за много лет на лице Человека засияла улыбка...

Максим Бичёв, Александра Фараджева, 2015

Далёкие звёзды

Стоял теплый летний вечер. Потихоньку начинало темнеть, и звезды появлялись на небе. Изредка дул ветерок, играя со штобрами и принося в комнату свежий вечерний воздух через распахнутое окно. Скоро совсем стемнело. Луна заглянула в комнату, но, будто почувствовав, что на нее никто не обращает внимания, скрылась за облаками.

Аллин включил лампу и, придвинувшись ближе к столу, вновь углубился в книгу. Так проходил его очередной вечер. Иной раз он засиживался до глубокой ночи, не замечая перемен за распахнутым окном, и засыпал прямо за столом. Но он не замечал не только перемен вокруг себя, но и того, что происходило в книге. Его не интересовали ни переживания героев, ни острые повороты сюжета или неожиданные развязки. Ничего. Он просто читал, не осознавая этого. От безысходности или скуки – это не имело для него значения. Главным для него было убить время. Это отличало его от сверстников – весёлых и шумных детей.

В другом доме неподалёку за столом тоже сидел мальчик. В его комнате было также темно, как и на улице. Но Рой, так звали мальчика, этого не замечал. Его пальцы напряжённо скользили по белым выпуклым страницам книги. Чтение было для него окном в иной мир, полный света и событий, возможностей и приключений. Освещение было не нужно ему по одной простой и в тоже время трагичной причине – Рой был слепым. Многие считают, что это была непоправимая травма для ребёнка, однако, он отлично справлялся с этим недостатком. Хотя правильнее было бы назвать это лёгкой помехой. Рой удивительным образом мог ориентироваться вокруг и предугадывать препятствия.

Внезапно Аллин перестал видеть текст. Все погрузилось в темноту. На долю секунды он испугался, но быстро понял, что в доме просто выключился свет. Аллин невольно взглянул в окно. Потом подошел ближе, вдохнул уже прохладный ночной воздух. Поднял голову вверх, посмотрел выше, на звезды и удивился. Как много их, на самом деле. И какие все яркие, близкие, но одновременно

далекие. Стены вокруг показались ему такими тесными и давящими, что желание вырваться на улицу и посмотреть на звёзды оттуда было сильнее лени и грусти. Он схватил куртку и тихо убежал из дома.

Внимательно проводя пальцами по странице, Рой вдруг отвлёкся. Дуновение ветра всколыхнуло его волосы. Он и не заметил, как пролетел вечер. От этого Рою захотелось выйти на улицу, чтобы вновь насладиться тишиной и красотой ночного города. Да-да, несмотря на слепоту он мог слышать и чувствовать, представлять образы ранее виденных объектов и, конечно же фантазировать. Рой отложил книгу, взял свою тросточку и аккуратно спустился на улицу. Ступеньки оказались как всегда знакомыми, а стук трости о них даже приятным. На улице уже почти никого не было, и тишина повисла над городом.

Глубина звездного неба поразила Аллина. Он никогда еще не видел столько звезд сразу. Ему захотелось смотреть, смотреть не отрываясь. Он шел вперед, не замечая ничего, кроме глубокого послезакатного небосвода. Мальчик представлял, как он путешествует по этому покрывалу Млечного пути, подобно герою одной известной сказки перелетает с планеты на планету, встречая все разных людей и открывая новые для себя миры. Его жизнь показалась ему никчёмной на фоне этого безграничного могущества вселенной.

Вдруг Аллину показалось, что кто-то движется позади него. Он насторожился, медленно развернулся и увидел мальчика, не спеша идущего за ним. Его глаза загадочно блестели при свете фонаря. Странно, но Аллину стал интересен этот мальчик. Он подошел навстречу и спросил: «Кто ты?». Незнакомец остановился, но ничего не ответил. Его лицо было как будто знакомым и таким понятным. Но взгляд. Он устремлялся в одну точку – сложилось впечатление, что незнакомый мальчик смотрит насквозь. Аллин подошел ближе и спросил снова: «Скажи, пожалуйста, кто ты?». Меня зовут Рой – ответил незнакомый мальчик. Он резко вытянул вперед правую руку, задев при этом Аллина. Тот не испугался, но немного отпрянул назад и стал снова вглядываться в лицо Роя.

— Ты слепой?» – спросил Аллин, обратив внимание на трость.

— Да, – ответил Рой, – а теперь мне нужно идти, – Он двинулся вперед.

— Нет, не уходи! Пожалуйста! – Рой остановился. «Знаешь, какие красивые звезды? Как они кажутся совсем рядом, но на самом деле находятся за много тысяч километров от нас? Знаешь? Ты их когда-нибудь видел?»

— Да, я помню. Некоторое время назад я мог видеть. Но моя слепота не мешает мне воспринимать мир. Я даже могу сказать, что и сейчас я их вижу. А вот ты теперь ответь на вопрос: «ты видел весну? Какая она?»

— Нуу – Аллин замялся. – Весной распускаются цветы и тает снег...

— И все? – спросил Рой. – Весна это пробуждение от долгого зимнего сна, это чудеса природы, новые ароматы и радость! Весна это звон капли и смех играющих детей. Разве ты не замечал этого?

— Нет, я как-то даже не задумывался об этом... – смутился Аллин – Мне было не до этого.

— А что же ты делал? – спросил Рой. У тебя же есть чудесный дар – возможность видеть красоту вокруг!

— Наверное. Я не знаю. Зачем за ней наблюдать? Ну меняется и пусть меняется. Да и какая разница, на что тратить свое время?

— А на что же ты его тратишь?

— Я... Я читаю...» – сказал Аллин наконец. Человек молчал. Он знал, что Мальчик говорил неправду.

— Нет! – возразил Рой. – Ты не читаешь. Ты просто убиваешь время. Зачем? – он замолчал. Аллин тоже.

—Я не знаю – с трудом сказал он. Когда я был совсем маленьким, у меня был лучший друг. Мы целыми днями гуляли вместе и были счастливы. А потом... Он уехал. Ничего мне не сказав. Я ждал его день, два, неделю. Стучался в дверь, за которой его не было, стоял под окном, в котором не горел свет, писал письма, которые никто не мог получить... И тогда решил, что меня просто предали. Я с головой углубился в чтение, желая найти друзей сре-

ди бумажных страниц... Но книги не хотели пускать меня в свой мир...

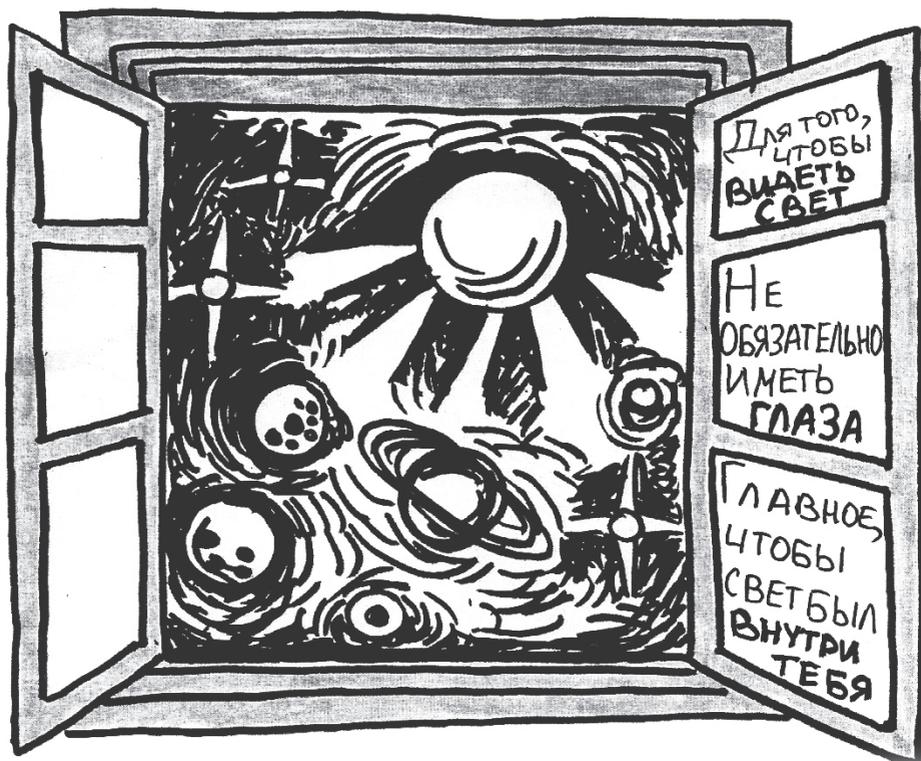
— Я знаю, каково тебе — сочувственно сказал Рой. Иногда очень тяжело быть одиноким, особенно когда ты не такой как все.

— А можно... Можно я буду твоим другом? Ты открыл мне глаза. Я так благодарен тебе! Знаешь, когда я порой сижу вечерами за книгой, мне так хочется иметь настоящего друга!

— Я буду этому только рад. Пойдём, я покажу тебе мир.

Они пошли вместе не спеша, навстречу галактике. Один, рассматривая звёздное небо, а другой, постукивая тростью по мостовой. И оба они знали, что для того чтобы видеть свет, не обязательно иметь глаза — главное, чтобы свет был внутри тебя.

*Максим Бичёв, Иван Георгий Скрипачёв,
Александра Фараджева, 2015*

Дорога к храму

Давным-давно, там, где небо перерастает в воду, а мангровые деревья тянут свои разлапистые воздушные корни из тихих заводей и болотистых озер к высоким облакам, стоял старый-старый храм. Он был построен из белого камня неизвестно кем и неизвестно когда. Но выглядел он так, будто еще не выросли эти деревья, окружающие его теперь со всех сторон, будто не потекли эти реки, вокруг которых выросли тропические леса, а он уже стоял на том самом месте. Стены храма от времени потускнели и покрылись мхом, резные каменные орнаменты заросли яркими цветами и лианами.

Дорога, когда-то приводившая в святилище паломников сквозь леса и через многочисленные речки и ручьи, превратилась в длинный травянистый ковер, усеянный мелкими маргаритками. Храм, многие века восхищавший поэтов и волновавший мистиков, потускнел в людской памяти. Лишь редкие селяне из деревни, спрятанной на уединенной лесной поляне, приходили иногда к бело-снежным стенам. Да и разве только ещё птицы с причудливыми хвостами и голосами вили свои гнезда в лепнине.

В центре храма жила статуя божества. У неё было четырнадцать протянутых рук и черные большие глаза, в которых отражались звезды. Долгие годы божество не забывалось, и паломники приходили к храму по дороге из белого камня, петлявшей в джунглях, приносили новости и подношения из плодов и благовоний. Многие века храм процветал. Тропический лес был освещен солнцем, и никаких злых духов, зверей и людей в нем не водилось.

Но шли годы, паломников становилось все меньше, монахи из монастыря в двух днях пути от храма постепенно перестали появляться и совершать обряды, и никто не пел в просторном зале, и благодать ушла из этих мест. Полог леса потускнел, но никто этого не заметил – просто не кому было. Люди, что приходили из деревни раньше, теперь покинули свое поселение и разъехались по большим шумным городам, а те, кто остался, были слишком заняты зарабатыванием денег, чтобы смотреть на небо. Лес стал наполняться недобрыми мыслями и существами, храм забылся, а статуя

поблёкла. Никто уже и не помнил имени божества, а легендарные сцены с его участием, изображенные на стенах святилища, давно истерлись. Всё кругом пропиталось забвением.

И только глаза продолжали всё также блестеть. Иногда можно было разглядеть на лице светлые камни, похожие на слёзы. Проходили годы, и чем дальше, тем глубже в забвение погружался храм. Лианы проросли сквозь каменное кружево ставен и оплели статую божества, спрятав её от мира. Никто не сказал бы теперь, что среди гладких стволов деревьев и лиан спрятано древнее святилище.

Но однажды к храму пришла маленькая девочка, одна из последних детей в деревне. Она отбилась от группы женщин, собиравших ягоды и плоды в лесу. Девочка совсем заблудилась и плакала от страха. Пробираясь сквозь заросли в поисках тропки, она наткнулась на позеленевшие истертые ступени и пошла по ним вверх из любопытства. Страх постепенно исчезал – это место давало чувство спокойствия и умиротворения. Девочка не видела ничего подобного раньше. Даже в легендах и сказках не упоминалось о нём.

Войдя внутрь, она увидела заросший мхом зал, в котором стояла оплетенная лианами статуя плачущего божества. Девочка подумала: «какое красивое и в то же время грустное у неё лицо. Почему люди перестали приходить сюда? И что это вообще за место?» Осторожно ступая по мягкому мху, она обошла большой зал и заметила лестницу, ведущую наверх. И тут она твёрдо поняла, что сможет вернуться домой, если поднимется высоко и осмотрит всё вокруг. Осознание этого пришло случайно, само собой, как будто кто-то вложил эту мысль в её сознание, подсказал.

Подъём был долгим и утомительным, но вскоре она оказалась на вершине храма. Словами не передать на сколько красивый вид открылся перед её глазами: зелёное море из тёмного леса, а над ним солнце. А вдалеке, виднелось поле их деревушки. Теперь девочка знала направление, чтобы вернуться домой. Радостно она спустилась, чуть ли не бегом, по лестнице, подошла к статуе и поблагодарила её за помощь. Она сама не поняла, зачем благодарить кусок камня, но статуя выглядела как живая, и что-то ей подсказало, что статуя услышала благодарность. Выйдя из храма, она дви-

нулась в нужном направлении и скоро вышла к деревне, где все её уже давно искали.

С тех пор она стала иногда приходиться к святилищу и играть там со своими деревянными куклами. Иногда она наблюдала за птицами, которые очень быстро к ней привыкли, или любовалась солнечными зайчиками, играющими по стенам храма. Девочка становилась старше, но почему-то не переставала приходиться к белому зданию в свободные часы. Когда ей исполнилось двенадцать, она впервые принесла с собой метлу и вымела сор и сухие листья из залов, а после очистила лестницу ото мха и корней, оплетших ее. Она стала приходиться чаще, осмысленно и с определённой целью: сделать храм чуточку лучше. Не потому что это надо другим людям или ей самой. А потому что так надо, потому что это место и эта статуя не заслуживали такого забвения.

Через какое-то время ее стараниями древнее строение очистилось от лиан и многовекового сора. Девочка вымела извечный туман из зала и вернула храму былое величие. Только статуя божества осталась оплетенной лианами и цветами, а зал – погруженным во тьму. И тогда девочка позвала людей из деревни с собой. Придя в храм, они срезали лианы, связывавшие четырнадцать рук статуи, и изваяние предстало перед ними в своем величии. Оно стояло всё такое же, сделанное из камня и бездыханное, но выглядела она по другому. Можно сказать, что изменилась в ней всего одна вещь. Лицо перестало быть печальным. Жалость, уважение, благодарность и привязанность сделали своё дело. Статуя, как будто, ожила, ведь рядом снова были люди, ради которых она была создана. И в тот самый миг солнечный луч пробился сквозь резные решетчатые ставни, осветив просторный зал.

Максим Бичёв, Оксана Волченко, Денис Лавров, 2015

Очевидные вещи

Бывает ли так, чтобы тебе была ясно видна этакая граница? Как будто отчетливую линию прочертили по земле: здесь «свои», а сделай шаг и уже «несвои», а еще шаг перейди за линию — и вовсе «чужие»? Чтобы в голове была ясная мысль: я с ними, с чужими, никогда не буду? Чтобы с первого взгляда на человека становилось понятно, «свой» он или нет, как если бы «свои» словно бы светились для тебя изнутри, а «чужие» были бы лишены этого света? Чтобы осознание собственной правоты было абсолютно несомненным, а заблуждения другого человека очевидными? Чтобы не раздумывая ты понимал, кто прав, а кто нет, что вот он — свой, который всегда поддержит, словом ли, делом; а здесь — чужой, от которого и не знаешь чего ждать? Кто же поможет в беде, кроме «своих»? Кто, кроме них, поддержит в трудную минуту? Кому и ты поможешь по первой просьбе? Чье общество тебе более всего приятно? На кого ты можешь полагаться и кто может полагаться на тебя?

И разве это не так? Разве нельзя рассчитывать на поддержку своих друзей и близких, на их понимание? Какой же «свой» не поможет тебе? Разве неприятный тебе человек может быть «своим»? И как может «свой» не поддержать тебя? Разве не рассчитываю я на него, а он на меня, и разве я могу доверять человеку, в котором сомневаюсь? Как тогда можно сомневаться в своих, ведь и они не сомневаются в тебе?

Но неужели не случается тебе совершать ошибки? Или замечать ошибки у других? И встречались ли тебе те, кто не принял ни одного неправильного решения, не сделал ни одного неверного шага? И разве ты примешь ошибочное мнение другого человека? Или поддержишь его в заблуждениях? И не случалось ли тебе ошибаться в людях? Разве невозможна ситуация, когда «свой» оказывается «несвоим», а то и совсем «чужим»? И разве не являешься ты «чужим» для «чужих»? Неужели «свои» не указывали тебе на ошибки? И всегда ли у тебя получалось находить ту помощь, на которую, тебе думалось, ты можешь рассчитывать?

Но если ты полагаешься на человека и доверяешь ему, разве не

следует тебе доверять ему и там, где он с тобой не согласен? И если ты не находишь поддержки, на которую рассчитывал, разве не означает это, что ты ошибаешься? А если ты ошибаешься, не должно ли исправить свою ошибку? И разве не сделаешь ты того же для «своих»? И, если они тебе доверяют и полагаются на тебя, разве не исправят и они своих ошибок, которые заметишь ты?

Но, раз никто не застрахован от ошибок, разве не может случиться так, что прав ты, а те, кто видят твои ошибки, заблуждаются сами? И разве не может быть так, что заблуждаются «свои», а «чужие» правы? Что лишь ты прав, а остальные — нет? Ведь возможно же, что, указывая на ошибки «своих», ты примешь точку зрения «чужих»?

И, все же, разве означает это, что «своим» доверять нельзя, а нужно доверять «чужим»? Разве тот, кто совершил ошибку, недостоин доверия? Разве ты вправе счесть «чужим» «своего» человека просто оттого, что тот несогласен с тобой? И разве ты утрачиваешь доверие «своих», когда делаешь неверный шаг? Или становишься «чужим», как только перестаешь соглашаться со «своими»? Разве «свои» могут стать «чужими» потому лишь, что ты с ними не соглашаешься? Разве не заслужили они право на твое доверие и разве не тот ли человек «свой», кому ты доверяешь?

Но не становится ли тебе «своим» тот, кому ты доверяешь? Не может ли тогда «чужой» стать тебе «своим»? И найдешь ли ты между «чужими» и «своими» различие, если ты можешь доверять и тем, и другим? И разве нельзя представить, чтобы «чужие» тебе люди вдруг доверились тебе? Разве будешь ты для них «чужим» и теперь?

Но всегда ли заслужено доверие? Разве не можешь ты ошибиться, доверившись другому человеку? А другие не могут ли ошибиться, доверяясь тебе? И разве не становится человек «своим» для тебя, только заслужив твое доверие, и станешь ли ты «своим», не заслужив доверие? Сможешь ли и ты довериться «чужому» человеку, не заслужившему твое доверие?

Но разве заслужили «чужие» твое недоверие?

Даниил Кожемяченко, 2015

Новичок

Тишину холодных сумерок разрушало мерное журчание золотоносного ручья. На опушке леса стоял небольшой палаточный лагерь, освещённый из центра небольшим костром. Если бы ни этот костер, ничто бы не выдавало в этом лагере жизни, особенно если обратить внимание на остов огромной золотоносной машины. Лес отступил от лагеря на несколько метров и затаился в ожидании начала утренних работ по промыванию песка в поисках крупиц драгоценного ресурса. В палатках спало около десятка абсолютно разных людей, молодых и уже преклонного возраста. Трое не спали, их лица были озарены ровным пламенем костра.

— И давно вы так?

— Я уже лет шесть, а вот Вилли здесь еще с самого начала.

— Угу, таких провальных лет уже давно не было.

Вилли был смуглым, но уже изрядно поседевшим мужчиной лет сорока пяти, всю свою сознательную жизнь он провел в городке неподалеку, и как только в этой реке нашли золото, он сразу пошел сюда на заработки по тем временам неплохих денег. Люди сменялись вокруг него, а он все чистил и чистил фильтры своей золотоносной машины. Кто-то приходил ради быстрой наживы, кто-то от желания сбежать, а кто-то просто искал себя.

— Хм, да, улов маловат, но я уверен, что скоро мы что-нибудь да найдем!

— А сколько в среднем выходило за последние три года?

— Грамм 80-100 в сезон, ну это в лучшем случае...

— Да ладно тебе, в прошлом году не меньше 150 намыли!

— Привираешь ты, этот ручей уже больше 100 в сезон не намыть.

— Не сдавайся, так мой дед всегда говорил!

— Так а кто сдаваться то собирается?

По внешности Боба было трудно определить его возраст, скорее ближе к четвертому десятку. Ровная, крепкая походка и седые волосы в бороде и на висках. Вне сезона Боб занимался строительством домов, а точнее управлял краном в своем городке за не-

сколько сотен километров отсюда. Это место досталось ему от его отца, а тому от его отца. Строительство было семейным делом Боба, он знал, что если он отойдет от своего крана, работа остановится и дело его семьи прервется. Конечно Бобу быстро была бы найдена замена на стройке, но и он не собирался бросать это и все его сослуживцы не представляли своей работы без него.

— Хорошо, про навар я понял, а что на счет ребят, я ведь толком то и познакомится не успел с большинством.

— Ну смотри, с нами ты уже считай знаком, еще есть Филип — повар, Али — он у нас механик, Тед и Морти у нас водители, так что если нужно в город за чем-нибудь это к ним, Грегори за сбыт отвечает, еще есть Денни, Чак, Джон, Хэнк и Чарли...

— Славные ребята у нас тут, верные...

— И что, все на сезон сюда съезжаются со всей страны?

— Ну кто как, кто-то тут, неподалеку обитает, а кто-то с самого побережья приезжает, разброс в общем не хилый.

— Ты то сам откуда, Новичок?

Новичок достиг средних лет, открытое лицо его уже начало покрываться первыми морщинами.

Сложно сказать почему он тут оказался, понесло, что-ли, по жизни, как по той рекой. Он успел побывать учителем, собственно с этого он и начал в своем родном городе, дети вдохновляли его, он восторгался от мысли и ответственности за то, что он дает им путь в дальнейшую жизнь, что он открывает перед ними дороги и что каждый из них расползется по свету, имея крупицу его в себе. Затем Новичок решил, что засиделся в своем родном городе и отправился путешествовать по стране, зарабатывая деньги продажей различного бытового оборудования. Каждый город, дом и человек были для него целым открытием, ни один его клиент не был похожим на другого. Затем Новичок осел в прибрежном городке, и устроился работать лаборантом в научную обсерваторию. в его обязанность входило наблюдение за небесными светилами, изучение их траектории и состава по снимкам со спутников. Путешествие по мирам завораживало, особенно его вдохновляло открытие планет земного типа, крупиц чего-то родного в безгранич-

ных просторах космоса... Но и тут Новичок не задержался надолго, судьба манила его дальше и вот он уже колесит по северной части страны в поисках заработка и новых открытий. Как прекрасно, что в одном из придорожных дайнеров он встретил именно Боба, который как раз направлялся на сезон куда и позвал с собой Новичка.

— Хах, ну тебя и помотало, дружок.

— Да, не хило!

— Погодите, а как давно вы с этими ребятами знакомы?

— Ну, давно, вот последним Боба к нашим берегам прибило, а это шесть сезонов назад случилось, а с остальными еще раньше.

— И что, состав не меняется?

— Почти нет, но бывают и те, кто уходят, просто не их это, но такие всего на пару сезонов с нами.

— И вы каждый год сюда приезжаете?

— А то, ни разу не пропускали!

— Так улова же почти никакого, тем более если на всех поделить, покрыть расходы с трудом получится, так?

— Так, а ты думаешь мы тут ради улова?

— А ради чего тогда?

— Ну, как тебе сказать, хоть не надолго мы вместе тут, а все равно этого каждый год ждем как праздник какой-нибудь. И вроде как и золота мало, крупа одна. Да и нас мало... Не разойдемся мы. Порой бывает такое, когда люди делают общее дело и от того им хорошо на душе, Каждый у нас, свое место знает и без друг друга не пойдет работа. Совместное дело для нас необходимо. Это наш образ жизни и наш выбор. Без этого нам не выжить.

Этот сезон, впервые за много лет, оказался удачливым. Новичок много и усердно работал, понимая, что он является частью чего-то большего. Благодаря нему они смогли найти новый прииск.

Максим Бичёв, Владимир Чернобай, Дмитрий Копылов, 2016

Герб

детско-юношеской организации
«Остров Сокровищ»

Сборник легенд
детско-юношеской организации
«Остров Сокровищ»

Очевидные вещи

Москва, 2016 год. - 88 стр.

Корректурa: Бордюгов Д., Бычкова П.

Художник: Фараджева А.

Компьютерная верстка: Скрипачёв И.Г.

Печать: Скрипачёв И.Г., Лебедев В.В.

ГБОУ Гимназия №45 им. Л.И. Мильграма, г. Москва
117036, Москва, ул. Гримау, 8
Тел.: +7 (499) 126-33-82,
Internet: ms45.edu.ru

Детско-юношеская организация «Остров Сокровищ»
e-mail: mail.ostrov@gmail.com
Internet: old.vostrove.ru; wiki.vostrove.ru

Подписано в печать 11.02.16

Тираж 150 экз.

Отпечатано в типографии Гимназии №45

De Zee en Land-Reyde, van
 ION, MILDENHALEN en CARTWRIGHT
 na PERSIEN en MOGOL,
 oft Spoor gevolgd.